

УДК 165

К вопросу о значимости обоснования для реализации условий знания**Галухин Андрей Владимирович**

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается значение принципа обоснованности в соотношении с другими принципами, выражающими необходимые условия знания, выделяемые в рамках классических и постклассических форм эпистемологического анализа. Рассматриваются функции обоснования в плане удостоверения рационального статуса убеждений, экспликации их адекватной связи с истиной и обеспечения конвертации убеждений в знание. Посредством критического анализа принципов интерналистских теорий, разработанных в парадигмах фундаментализма и когерентизма, раскрываются проблемные аспекты реализации условия истинностной проводимости на различных уровнях инференциального обоснования. Прослеживаются векторы переосмысления условия обоснованности в его отношении к другим условиям знания, обозначившиеся в альтернативных подходах к решению проблемы Гетье, выявившей неадекватность классического анализа знания: одни теории пытаются компенсировать фаллибилистичность и преодолеть недостаточность обоснования путем представления регулятивно-истинностных ограничений или введения дополнительных условий знания, другие - деконструируют концепт обоснования или раскрывают его содержание в рамках экстерналистского подхода. Исследуются естественно-номологические допущения в основе программы экстернализма, критически оценивается потенциал экстерналистской концептуализации обоснования, представляющей альтернативу классическим деонтологически-интерналистским подходам. Раскрывается общее значение принципов систематической относительности, контекстуально-регулятивной зависимости, когнитивно-ситуационной обусловленности и системной динамичности обоснования.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. К вопросу о значимости обоснования для реализации условий знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 3А. С. 107-146.

Ключевые слова

Знание, эпистемическое обоснование, когерентизм, фундаментализм, интернализм, экстернализм, проблема Гетье, аналитическая эпистемология.

Введение

Систематическая разработка проблемы эпистемического обоснования является ключевым моментом развития классических эпистемологических программ, ориентированных на исследование и нормативное выражение конститутивных условий знания. В классической эпистемологии *обоснованность* рассматривалась как одно из необходимых условий обращения пропозиционально содержательных полаганий (убеждений) в знание, выделявшееся наряду с другими условиями, такими как, собственно, наличие у субъекта определенного *убеждения*, содержание которого может быть выражено системой дескриптивных высказываний, и *истинность* того, что составляет предмет этого убеждения.

Современный формат обсуждения проблемы эпистемического обоснования определился в результате расширения проблематики эпистемологических исследований, выявления ограниченности стандартных гносеологических теорий обоснования и развития неклассических стратегий анализа знания, получивших особенное выражение в программах аналитической эпистемологии. Для реформирования содержания проблемы обоснования в рамках развития новых эпистемологических программ особое значение имели деконструкция классического концепта знания, показавшая неоднозначность отношений между истиной и обоснованием и недостаточность истинности и обоснованности для удостоверения статуса знания, а также эрозия гносеологических допущений, положенных в основу неопозитивистских программ, поддерживавших логико-эмпирический фундаментализм, и выход эпистемологии на проблемы анализа знания в различных контекстах, включая контексты повседневности, т.е. переосмысление принципов эпистемической рациональности на основе признания роли контекстуально значимых факторов.

Целью настоящей работы является выявление основных проблемных точек в разработке концепций эпистемического обоснования, в которых обозначились профили альтернативных подходов к раскрытию нормативного содержания понятия обоснования и определению значения обоснованности в системе условий знания.

Обоснованность, рациональность, истинность в контексте классического анализа знания

В классической эпистемологии определение функции обоснования в системе условий знания являлось моментом стандартного анализа знания: истинность и обоснованность выделялись в качестве основных параметров *эпистемически-оценочной квалификации* пропозициональных установок и представлялись необходимыми и *в совокупности достаточными* условиями обращения убеждений в знание. Исходным для различных подходов к анализу знания является положение, что «знание представляет собой класс, подчиненный истинной вере: всякий пример знания есть пример истинной веры, но не наоборот» [Рассел, 2000, 144]. Поскольку доксистическую основу знания составляют убеждения, которые являются формой пропозиционально содержательного признания истины, постольку для субъекта, полагающего целью обретение знания, существует разумная необходимость в том, чтобы принимать пропозицию в качестве предмета убеждения, если и только если данная пропозиция является истинной. Но основная часть пропозициональных установок не формируется на основе непосредственного усмотрения истины, поэтому требование обоснования, выражающее необходимость признания истины по субъективно и объективно достаточным основаниям,

является рационально оправданным. Как замечает Р. Чизом, «если я хочу быть убежденным только в том, что истинно, и не иметь предметом убеждения то, что является ложным, то наиболее разумным для меня является верить тому, что обоснованно, и не верить тому, что не является таковым» [Chisholm, 1982, 4]. Пропедевтически положение Чизома имплицитно подразумевает следующий принцип: *если убеждение субъекта является эпистемически оправданным, то вероятность того, что это убеждение является истинным, значительно выше, чем тогда, когда субъект придерживался бы этого убеждения безосновательно*. Рациональное оправдание притязаний на знание предполагает демонстрацию того, что убеждение имеет позитивный эпистемический статус, поскольку *вполне вероятно, что это убеждение является истинным*, и этот статус определенным образом обеспечен, «гарантирован», удостоверяем, исходя из субъективно и объективно достаточных оснований.

Таким образом, если пропозиция, составляющая предмет некоторого убеждения, принимается в качестве истинной, то вопрос обоснования данного убеждения имеет первостепенное значение для квалификации его в качестве пропозициональной установки, которая при условии адекватной и полной реализации интенции на истину обращается в знание, – по сути это вопрос демонстрации того, что *нечто принимается за истину по адекватным причинам, которым имеют рациональный или каузальный статус, исключая произвол или случайность, ошибку или недоразумение*. Раскрывая истоки классической концепции знания как оправданного истинного убеждения, эпистемологи традиционно ссылаются на диалог Платона «Теэтет», в котором в качестве гипотезы определения знания рассматривается «докса с логосом»: истинное мнение обращается в знание при условии объяснения (*aitias logismos*), т.е. разбора того, в чем состоит истинность и почему нечто принимается за истину [Платон, 1993, 274]. В диалоге «Менон» Платон рассматривает условия, при которых «истинные мнения» выступают в роли претендентов на статус знания, выделяя, прежде всего, необходимое «суждение о причинах» (мнемотическое восхождение к идее как первопричине), которое является концептуальным прообразом обоснования: оказывается, истинные мнения, «... пока остаются при нас, вещь очень неплохая и делают немало добра; но только они не хотят долго при нас оставаться, они улетучиваются из души человека и потому не так ценны, пока он их не свяжет суждением о причинах... Будучи связанными, мнения становятся, во-первых, знаниями и, во-вторых, устойчивыми. Поэтому-то знание ценнее правильного мнения и отличается от правильного мнения тем, что оно связано» [Платон, 1990, 609-610]. Таким образом, значение обоснованности актуализируется в плане установления рационального статуса убеждений, т.е. демонстрации того, что связь убеждения истиной, эксплицитно выверяемая в порядке обоснования, *не является случайной, определившейся вследствие произвола, ошибки или заблуждения*, а является вполне закономерным или наиболее вероятным результатом эффективной познавательной активности субъекта, для направления и оценки результатов которой значимы целерациональные регулятивы *поиска истины и избегания ошибок в максимально большом массиве убеждений*.

В традиционных теориях знания, принципы которых восходят к этой классической традиции, значение условия обоснованности проясняется, как правило, в рамках *рационально-нормативного подхода*, полагающего в основу оценки притязаний на знание парадигматическое представление, что знание, в отличие от мнения, является продуктом целенаправленной деятельности рационального субъекта, реализующей его познавательные интенции, и, следовательно, сам способ этой деятельности, как и ее продукты – формирующиеся убеждения, должны удовлетворять определенным методологическим, логическим и эпистемическим

(например, правильность, достоверность, аподиктичность, обоснованность, истинностная значимость и т.п.) стандартам. В этой классической парадигме претендентом на знание может быть только убеждение, которое является достаточно (логически, теоретически или эмпирически) обоснованным, *требование обоснованности* представляет *императивное выражение стандартов рациональности*, исходя из которых оцениваются притязания субъекта на знание. Стандартом рациональности является, например, такой деонтологический принцип, согласно которому субъект оправданно притязает на знание при условии, что он не просто стремится к истине и избегает ошибок при формировании и отборе убеждений, гипотез или теорий, но принимает нечто за истину тогда, когда для этого имеются достаточные основания. Таким образом, *введение условия обоснованности является общезначимым моментом экспликации базовых стандартов рациональности, связывающих оправданность притязаний на знание с признанием истины по субъективно и объективно достаточным эпистемическим основаниям.*

Обоснование, в котором устанавливается насколько оправданно притязание на истину, заявленное в обосновываемом убеждении, делает *эксплицитной связь убеждения с истиной* и, следовательно, само характеризуется интенцией на истину, исполнение которой выражается условием *истинностной проводимости* обоснования. Так, в фундаменталистской эпистемологии картезианского типа преобладала сильная логико-эпистемическая версия определения истинностной проводимости: *обоснование дает определенные гарантии того, что убеждение является истинным*; такие гарантии обеспечиваются при наличии определенного фундамента *знания*, интегрирующего некие базисные убеждения – непосредственно установленные истины, исходя из которых посредством стандартных процедур, осуществляемых по определенным правилам, выводятся новые истины. Логическим прототипом такого подхода является модель дедуктивных умозаключений: условиями, гарантирующими, что заключение будет истинным, являются *истинность посылок* и *следование логическим правилам*, задающим структуру вывода, - каждое из этих условий является необходимым, но вместе они представляют *достаточное основание* для заключения, истинность которого логически гарантирована. В случае неполной индукции с определенной степенью *вероятности* можно утверждать, что заключение является истинным, если посылки истинны и соблюдены правила индуктивного вывода; Б. Рассел, повторяя мысль Д. Юма, полагал, что в условия индуктивного обоснования представлений, выделяющих эмпирические регулярности, входит априорное допущение, выражаемое «принципом единообразия природы», эксплицитное использование которого позволяет в порядке мета-обоснования показать, как изначально индуктивный вывод вписывается в параметры дедуктивной модели рассуждений.

В рамках логоцентрических импликаций фундаменталистского подхода, различные версии которого представлены как в рационалистических, так и в эмпирицистских (классический эмпиризм и логический позитивизм) программах, спецификацией идеи обоснования является *идея доказательства*. Однако, если говорить о доказательстве в строгом логическом смысле, то следует признать, что за пределами логики и математики доказать ничего нельзя, такова позиция К. Поппера, который выступал против традиционной эпистемологии, неправоммерно распространявшей «объективистскую идею доказуемого знания на субъективистский мир 2, мир предрасположений или «мнений» [Поппер, 2002, 80]. Эпистемическое обоснование, конечно же, является более сложным концептом, содержание которого нельзя редуцировать к понятию доказательства, однако доказательные рассуждения естественным образом вписываются в логику инференциального обоснования, которое строится на определенных

принципах (примером может служить логически эксплицированный Гемпелем принцип подтверждения), и представляют способ получения нового знания на основе знания, которое уже так или иначе актуализировано в рамках динамичной эпистемической формации.

Экспликативные содержания концепта обоснования

Для различных проектов концептуально-аналитической проработки содержания проблемы обоснования методологически основополагающей является позиция, выражающая признание того, что анализ понятия обоснования и экспликация принципа обоснованности не может осуществляться только на основе использования эпистемических концептов, выражающих свойства рациональности, доказанности, гарантированной истинности, когнитивной доступности, поскольку эти понятия сами требуют пояснения в рамках соответствующей эпистемологической теории. Раскрывая это методологически значимое обстоятельство, А. Голдман замечает, что в подходе к разработке теории обоснования актуализируется значение различных типов понятий, образующих концептуальную матрицу альтернативных способов теоретизации обоснованности:

– «психологические понятия», такие как убеждение (доксастический фактор) и опыт (недоксастический фактор);

– реляционные – инференциальные и функциональные понятия, посредством которых описываются отношения между пропозициями, такие как логическая выводимость, вероятностная когерентность, степень подтверждения и т.д.;

– «метафизические понятия», такие как каузальная связь убеждений с фактом или другими убеждениями, а также адекватная когнитивно-процессуальная основательность убеждений т.д. [Goldman, 2010, 682].

Парадигматические примеры использования первой группы понятий представлены в проектах фундаменталистской эпистемологии, в которых осмысление статуса непосредственно обоснованных пропозиций, служащих фундаментом знания, включало развитие представления о роли перцептуального опыта и рефлексивной мыследеятельности субъекта; к этой же категории относятся теории логического подтверждения, предназначенные показать, как пропозиции, подлежащие инференциальному обоснованию, через логическое отношение к непосредственно обоснованным пропозициям, получают подтверждение.

Парадигматические примеры использования второй группы понятий представлены в разработке различных теорий когерентного обоснования, включающих субъективный Байесианизм, теорий, рассматривающих «обоснованность или рациональность как функцию логических и/или вероятностных отношений между пропозициональными содержаниями доксастических состояний, будь то убеждения категорического свойства или убеждения с относительной степенью уверенности» [Goldman, 2010, 683] (т.е. убежденности в истинности пропозиции).

Парадигматические примеры использования третьей группы понятий обнаруживаются в каузальной теории знания и экстерналистских концепциях, трактующих обоснованность как функцию реализации внешних каузальных условий или надежного процесса формирования убеждений.

Таким образом, в основном массиве эпистемологических теорий, классических и современных, обоснование представляется либо (X) функцией *рационального действия ответственного субъекта*, способного следовать эпистемическим стандартам, задающим круг

интеллектуальных обязательств (*деонтологический подход*), и выстраивать обоснование, исходя из различимых для него – когнитивно доступных факторов (*интернализм*), либо (Y) функцией реализации внешних – каузально адекватных условий или надежных способов формирования убеждений (*экстернализм*), представляющих в контексте обоснования объективные факторы вероятной истинности убеждений и, следовательно, повышающих статус последних в качестве претендентов на знание [Goldberg, 2007].

Для адекватного применения концепта обоснования в контексте оценки позитивного эпистемического статуса убеждений, выступающих претендентами на статус знания, необходимо также различать *пропозициональную* и *доксастическую* обоснованность.

Пропозициональная обоснованность определяется наличием эпистемически релевантных факторов, например, вполне надежных эмпирических свидетельств или инференциальных связей данного убеждения с другими истинными убеждениями, представляющих *объективно достаточные основания* для того, чтобы принимать пропозицию, составляющую предмет некоторого убеждения, в качестве истинной; но это не означает, что субъект считает свое убеждение обоснованным, исходя из эксплицитного выделения и представления именно этих факторов, последние могут выходить за рамки сознательного доступа, в котором определяется массив актуально используемых принципов, свидетельств, предубеждений на которые опирается субъект, когда формирует определенное убеждение.

Доксастическая обоснованность имеет место тогда, когда субъект *не только располагает основаниями*, исходя из которых, он мог бы полагать, что пропозиция является истинной, но эти основания актуализируются в системе эксплицитно сознаваемых установок, эмпирических свидетельств или рациональных доводов, на которые субъект опирается при обосновании своих убеждений. Понятие доксастической обоснованности пересекается с понятием субъективной обоснованности в той мере, в какой обоснование строится на основе когнитивно доступных доксастических и эпистемических ресурсов, т.е. тех убеждений и знаний, которыми располагает субъект и которые актуализируются при формировании и обосновании убеждений.

Профиль классической традиции понимания обоснования

В классических эпистемологических программах, особенно в теориях знания, развивавшихся со времен эмпиризма и рационализма Нового времени, заметно преобладание *деонтологического подхода и интерналистских* концепций обоснования, которые исходили из общей идеей рациональности и эпистемической ответственности субъекта познания и выдвигали на первый план принцип сознательного контроля над познавательными действиями и условие когнитивной доступности оснований – факторов, значимых для обоснования; но в ряде классических гносеологических учений идея обоснования прорабатывалась также в контексте осмысления фундаментальной генеалогии знания с позиций экстернализма (например, истоки эпистемического экстернализма можно обнаружить в «иллюминативизме» Августина, в каузализме Р.Декарта относительно происхождения некоторых идей, а также в учении Дж.Локка об идеях вторичных качеств как «знаках неведомых причин»).

Принципы классических подходов, отражающие, главным образом, не столько анализ самого понятия обоснования, сколько понимание условий достижения статуса обоснованности, определили также тематический профиль трактовки обоснования в ряде концепций современной аналитической эпистемологии. Так, А. Плантинга показывает, что и в некоторых современных эпистемологических программах можно выделить парадигматическое единство

моментов стандартной трактовки обоснования, в которых прослеживается последовательное восприятие и адаптация идей и подходов, сформировавшихся в русле классической традиции: «Во-первых, существует существенная внутренняя связь между обоснованностью и знанием. Во-вторых, (БонЖур, Коэн, первая теория Алстона) достижение обоснованности – это вопрос эпистемической ответственности субъекта; убеждение является обоснованным, если нет оснований обвинять субъекта в неисполнении эпистемически значимых обязательств, когда он формирует и придерживается данного убеждения. В-третьих (Алстон, Кони, Лерер и Коэн, Коэн), есть общая позиция относительно значимости интерналистского компонента обоснованности. Субъект должен иметь познавательный доступ к чему-то важному, всецело заключенному в ареале того, что может быть осознанно – например, к общему факту, имеются ли для полагания достаточные основания или нет, или к основаниям, посредством представления которых достигается обоснованность (Алстон), или к отношениям между этими основаниями и обосновываемым убеждением» [Plantinga, 1990, 48-49]. В-четвертых, восприятие классической трактовки концепта обоснования выразилось в систематическом развитии общей идеи, что «обоснование предполагает решение вопроса о наличии оснований (“evidenve”) или, по крайней мере, зависит от наличия оснований (Алстон, Фирт, Кони и Фельдман, Чисхолм)» [Plantinga, 1993, 10]. Если квалифицировать основания по источникам информации, то они могут быть как эмпирическими, так и рациональными: результаты *восприятия* и данные *памяти*, т.е. основания, извлекаемые из опыта, а также результаты *интроспекции*, либо основания, извлекаемые посредством *рассуждения* – логически последовательного движения в области мыслимого – результаты выводов, а также данные, получаемые на основе *рациональной интуиции*. Для того, чтобы обоснование выполняло определенную роль в плане удостоверения позиции обладания знанием, необходимо, чтобы в когнитивно-эпистемической ситуации субъекта не только (1) имелись какие-то основания или условия для того, чтобы принимать нечто за истину, но (2) чтобы эти основания или условия удовлетворяли стандарту эпистемической адекватности (ибо в терминах этих оснований или условий должно быть дано рационально адекватное объяснение, почему убеждение следует считать истинным) и чтобы (3) полагание субъекта «базировалось» на этих основаниях (содержательно определялось и/или обосновывалось посредством обращения к этим основаниям или условиям), будь то адекватные эмпирические свидетельства, априорно значимые принципы или правильные конфигурации инференциально взаимосвязанных убеждений, а также другие условия, распознаваемые в качестве факторов, которые соответствующим образом «гарантируют», «указывают» или «свидетельствуют» в пользу того, что убеждение является истинным. Такова основная идея классической «эвиденциалистской» теории обоснования [Feldman, Conee, 1987, 334-345].

Проблемные аспекты интерналистских теорий инференциального обоснования

Определение характера связи таких эпистемически квалификативных свойств пропозициональных установок как *обоснованность* и *истинность* – это фундаментальная и сложная эпистемологическая проблема, для которой существуют альтернативные решения, отражающие различные подходы к определению статуса обоснованности в системе условий знания.

В классической эпистемологии, как уже было отмечено, доминировал деонтологический подход: обоснование предполагает следование эпистемическим стандартам, задающим круг

интеллектуальных обязательств, при условии выполнения которых достигается статус обоснованности. Однако, как показали критические исследования, в основе деонтологического подхода лежит ряд неоправданных допущений, таких как *доксастический волюнтаризм*, а также представление, что выполнение обязательств, вытекающих из эпистемической нормы, достаточно для достижения обоснованности, удовлетворяющей условию истинностной проводимости обоснования.

Общая проблема отношения обоснованности и истинности, спецификацией которой является проблема *истинностной проводимости обоснования*, актуализируется на каждом уровне эпистемологической концептуализации условий и принципов обоснования. Покажем это на примере первичного анализа альтернативных интерналистских теорий инференциального обоснования, разработанных в парадигмах *фундаментализма* и *когерентизма*.

Фундаментализм

В парадигме *фундаментализма* отношение обоснованности и истинности концептуализируется в порядке осмысления способа удостоверения истинностного статуса убеждений, который заложен в структуре инференциального обоснования, построенной на основе выделения «фундамента» в виде базисных убеждений, обоснованность которых удостоверяется независимо от других убеждений, и «надстройки» в виде комплекса остальных – небазисных убеждений, обоснование которых достигается посредством инференциального отношения их к базисным убеждениям, в операционально-методологическом смысле такое инференциальное обоснование может строиться на принципах дедукции, индукции, абдукции. Классический аргумент в пользу фундаментализма строится как аргумент от *эпистемического регресса*, общий смысл которого в упрощенном виде можно передать следующей концептуальной формулой: если допустить, что обоснование всех убеждений опосредовано выводом, т.е. положение является эпистемически оправданным только тогда, когда оно выводится из других положений, и при этом нельзя обосновать положение посредством вывода его из другого положения, которое само не является обоснованным, то для того, чтобы избежать бесконечного регресса в цепи оснований или не допустить круга в обосновании, необходимо выделить положения, обоснование которых не опосредовано выводом, такие положения составляют предмет первичных – базисных убеждений. Фундаменталисты, однако, расходятся относительно типа, характера и тех свойств, которыми должны обладать убеждения, чтобы считаться эпистемически базисными. В сильных версиях фундаментализма эпистемологически привилегированным статусом обладают такие убеждения, которые

(а) либо не требуют обоснования основе выведения их из других полаганий, но заключают в себе определенные гарантии своей истинности, поскольку предметом их являются необходимо истинные положения или положения самоочевидные (для Декарта, например, таковы «ясные и отчетливые идеи», для Локка – «восприятие согласия или несогласия между идеями»);

(б) либо представляют непосредственную осведомленность о содержании опыта и/или формируются на основе ментальных состояний (ощущений и перцепций), каузально связанных с реальностью, выражаются системой базисных высказываний (с использованием феноменалистского или физикалистского языка).

Так, например, Айер приводит пример про-фундаменталистского рассуждения об основаниях знания, фактически повторяя во второй части этого рассуждения мысль,

высказанную во «Второй Аналитике» Аристотелем: «Мы можем полагать истинность некоторых высказываний как зависимую от истинности других высказываний, но этот процесс не может быть бесконечным. Должны быть некоторые высказывания эмпирического факта, которые являются непосредственно верифицированными. А что может обеспечивать их верификацию как не наличие у нас соответствующих данных опыта? ...И то же рассуждение применимо к положениям *a priori*, таким как положения логики или математики. Мы можем доказывать одно математическое положение посредством выведения его из других, но доказательство должно с чего-то начинаться. Должно быть хотя бы одно высказывание, которое принимается без такого доказательства, аксиома некоторого рода, которая является интуитивно знаемой» [Ayer, 1956, 20].

Привилегированный статус базисных убеждений является супервентным относительно таких свойств как достоверность, *несомненность*, *безошибочность*, *непогрешимость*, позволяющих отнести эти убеждения к тем пропозициональным установкам, которые являются независимо и первичным образом обоснованными [Chishlom, 1982, 8-15].

В слабых версиях фундаментализма в условия идентификации базисных убеждений входит общее требование, чтобы фундирующая инстанция строилась на основе интеграции убеждений, которые имеют лишь определенную степень обоснованности, определяемую независимо от порядка инференциальных отношений и связей их с другими убеждениями.

Критика фундаментализма

В ходе *систематической критики фундаментализма* был выявлен целый ряд проблем концептуального порядка, вызывающих сомнение в адекватности подходов, применяемых для установления статуса базисных убеждений и объяснения их роли в обосновании.

Прежде всего, проблематичным оказывается определение статуса базисных убеждений на основе выделения уникальных свойств, в силу которых такое убеждение может играть конститутивную роль в инференциальном обосновании других убеждений. Так, например, согласно одной из гипотез определения класса базовых убеждений на основе выделения таких свойств, как безошибочность или непогрешимость, *логически невозможно, чтобы субъект заблуждался, когда предмет его убеждения составляет то, что само по себе является логически необходимым*. Однако, если субъект пришел к какому-либо убеждению, предмет которого – логически необходимые истины, каким-либо произвольным образом, а не на основе рационального доказательства, то такое *убеждение в доксистическом смысле не является оправданным*. К. Лерер моделирует ситуации, которые показывают, что обоснование убеждения, предмет которого необходимые истины арифметики, математики, логики, не вытекает непосредственно из того, в чем состоит убеждение, т.е. невозможность ошибки не достаточна для обоснования, когда предметом убеждения выступает необходимая истины (математики и логики) [Lehrer, 1974, 80-91]. Если условие *безошибочности, или непогрешимости* является недостаточным для обоснования убеждения, предмет которого – необходимые истины, то добавление другого условия – *неотразимости очевидно-истинного, имплицитного*, что положение оказывается очевидно истинным, как только достигается адекватное его понимание, позволяет преодолеть эту трудность. Но главный вопрос состоит в том, можно ли приписать эти свойства убеждениям, которые выступают базисными при обосновании других убеждений, которые можно конвертировать в пропозициональное знание о мире. Стандарты фундаменталистского обоснования, индуцирующие требование обеспечения

строгих гарантий истинности, являются вполне применимыми в области дедуктивных дисциплин, таких как логика и математика; но реализация этих стандартов в области эмпирического знания, основу которого составляют убеждения, содержание которых – контингентные пропозиции, не удовлетворяющие принципу истинности во всех возможных мирах, является проблематичной и приводит к неоправданной редукции спектра возможностей обоснования притязаний на знание в обыденных контекстах. Если исходить из того, что роль базисных убеждений в порядке инференциального обоснования остальных убеждений состоит в обеспечении гарантий истинности последних, то в случае строгого вероятностного истолкования гарантий истинности сфера применения фундаменталистской теории должна замыкаться на область логических истин и их следствий [Lehrer, 1974, 145].

Для фундаменталистских теорий, развивающих концепцию эмпирически базисных убеждений, основные трудности возникают на уровне объяснения того, в каком смысле базисные убеждения следуют считать непосредственно обоснованными. Так, если привилегированный статус базисных убеждений определяется тем, что они формируются на основе «непосредственной осведомленности» о содержании опыта, то возникает дилемма: либо такая непосредственная осведомленность включает в себе пропозициональное содержание, которое можно выразить суждением, подлежащим истинностной оценке, но в этом случае – уже на новом уровне закономерно возникает проблема обоснования, что приводит к регрессу; либо следует отдать во власть «мифа о данных» [Sellars, 1956, 253–329] и допустить, что это непосредственное схватывание содержания опыта не является пропозициональным отношением, т.е. не предполагает применение концептов и формирование суждений; но тогда следует объяснить, как то, что не обладает пропозициональным статусом, может выступать фактором обоснования пропозиционально содержательных убеждений («дилемма Селларса»).

Даже если допустить, что существуют эмпирически базисные убеждения, которые в силу связи с опытом удовлетворяют стандартам первичной фундированности, то для интерналистского фундаментализма проблемы возникают при попытках использовать редуктивный анализ для того, чтобы показать, как исходя из множества феноменалистических высказываний, выражающих эти базисные убеждения – преимущественно убеждения о том, как вещи являются в сознании, сопряженные с апперцепцией соответствующих ментальных состояний, могут быть установлены строгие гарантии истинности высказываний о физических объектах.

Позиции фундаментализма чреваты апорией, которая может обернуться «спекулятивным беспределом» (К. Лерер), сопряженным с релятивизацией базисного статуса убеждений: «если базисные убеждения должны обеспечить надежный фундамент эмпирического знания, если вывод из базовых убеждений должен быть единственным принципом обоснования других эмпирических убеждений, то, собственно, то каким бы ни было то свойство, в силу наличия которого определенное убеждение квалифицируется как базисное, выделение этого свойства также является конституентом достаточного основания для того, чтобы полагать, что убеждение является истинным» [VonJour, 1985, 30-31]. Следовательно, полное обоснование зависит от метаубеждения относительно наличия такого свойства убеждений, которое является фактором, значимым для обоснования других убеждений, и такое убеждение входит в систему посылок, из которых следует, что обосновываемое убеждение является вероятно истинным; но принятие таких посылок также должно быть как-то обоснованным, и это обоснование не может строиться исключительно на априорном базисе, но зависит от принятия других убеждений, включая контингентные убеждения. Следовательно, убеждения, принимаемые как базисные, утрачивают

этот свой изначальный статус; кроме того, обнаруживается перспектива пролиферации мета-обоснований.

Когерентизм

Не менее сложной оказывается проблема демонстрации вероятной истинности убеждения на основе применения моделей инференциального обоснования, которые были разработаны в парадигме *когерентизма*.

Теории когерентного обоснования строятся на основе развития общей идеи, что «обоснование убеждений зависит только от связей между убеждениями в рамках некоторой системы убеждений, ни одно из которых не имеет статус базисного пропозиционального основания, – обоснование предполагает определение статуса убеждения относительно системы убеждений и достигается посредством установления определенной согласованности убеждений – их логической или семантической, функциональной или генеалогической связи, посредством которой воспроизводится целостность системы пропозициональных установок» [Галухин, 2019, 40]. Идея когерентного обоснования является интуитивно привлекательной в свете признания того факта, что многие наши убеждения представляются вполне разумными и обоснованными, поскольку согласуются или соответствуют массиву других убеждений, уже принятых в качестве истинных и закрепившихся на уровне базовых пропозициональных установок. В этом смысле и фундаменталистские теории содержат концептуальные элементы когерентизма, а когерентизм рассматривается некоторыми современными эпистемологами как разновидность фундаментализма.

Однако когерентизм парадигматически отличен от классического фундаментализма по крайней мере в двух аспектах:

1. Когерентисты отказываются от принципа линейного инференциального обоснования, считая более адекватным нелинейное - *холистическое представление о структуре обоснования, в котором не различаются базовые убеждения и выводные убеждения, но все убеждения рассматриваются как равнозначные элементы целостной «сети убеждений»*.

2. Когерентисты отрицают позицию эмпирицистских фундаменталистов, согласно которой «данные опыта» или иные содержания, не обладающие пропозициональным статусом, играют роль факторов, значимых для обоснования, в отношении к опыту и к другим убеждениям «мы опутаны сетью убеждений» (К. Лерер), и ничто не может считаться разумным *основанием* для того, чтобы придерживаться некоторого убеждения, кроме другого убеждения» (Д. Дэвидсон).

Основным принципом обоснования убеждений является установление отношения когерентности, которое может трактоваться (Н) холистически или (R) реляционно:

- (Н: *холистическая когерентность*) в первом случае линейная модель инференциального развертывания цепи оснований замещается нелинейно-холистической моделью комплексных отношений между убеждениями, которые взаимно *согласуются* и «подкрепляют» друг друга в рамках целостной системы; соответственно, убеждение обосновано в той мере, в какой удостоверен статус его как элемента внутренне согласованной системы убеждений;

- (R: *реляционная когерентность*) во втором случае (концепция Лерера) когерентность трактуется как отношение между предпосылочной («доксастической», «оценочной») системой, и обосновываемыми убеждениями, прошедшими оценку и отбор на основе структур предпосылочной системы, комплицирующей опыт разумного принятия убеждений, обращаемых в знание [Галухин, 2019, 36-37].

Когерентность, понятая холистически, имплицитно подразумевает взаимную подкрепляемость убеждений, определенным образом согласованных в рамках системно организованной доксистической формации. В системно-холистическом смысле когерентность может быть определена на основе таких принципов как *логическая совместимость* (А. Ивинг) и *взаимная выводимость* (Ф. Брэдли), *вероятностная конгруэнтность* (К.И. Льюис), *согласованность убеждений в плане обеспечения наилучшего объяснения* (Г. Харман, П. Тагарт) или *согласованность в плане соответствия основным принципам формирования убеждений* т.д.

Л. БонЖур обратил внимание на то, что понятие когерентности является содержательно многоаспектным и каждый аспект этого понятия раскрывается на основе того или иного релевантного критерия, используемого для выделения определенного фактора когерентности [BonJour, 1985, 97-99]:

Система полаганий когерентна если удовлетворяет требованию логической совместимости (LC: logical consistency).

Система полаганий когерентна пропорционально степени вероятностной совместимости убеждений (PC: probabilistic consistency)

Когерентность системы увеличивается пропорционально числу и силе инференциальных связей между убеждениями как элементами целостной системы пропозициональных установок (IC: inferential connections).

Когерентность системы уменьшается в той мере, в какой система подразделяется на подсистемы полаганий, которые относительно не связаны между собой отношениями выводимости (subdivision with deficient IC).

Когерентность системы уменьшается пропорционально объему необъяснимых аномалий в составе содержания полаганий, образующих систему (AS: anomalous system).

Концептуально-методологическая трудность, с которой сталкиваются теории когерентного обоснования, в основе которых – многомерное понятие когерентности полаганий, заключается в том, что все эти различные критерии довольно сложно соотнести и интегрировать в рамках общего суждения о когерентности.

Ключевой эпистемологический вопрос относительно эффективности самого принципа когерентного обоснования с точки зрения таких базовых целей, как *увеличение положительного истинностного содержания и избегание ошибок в наибольшем массиве убеждений*, заключается в том, является ли сама по себе когерентность – согласованность убеждений в релевантном аспекте – достаточным основанием для того, чтобы полагать, что эти убеждения с высокой долей вероятности являются истинными. Вопрос этот актуализируется в типичной ситуации, модель которой представлена К.И. Льюисом: так, например, сопоставляются показания свидетелей, которые независимо друг от друга сообщают одно и то же, при этом показания каждого свидетеля, если их рассматривать независимо друг от друга, не являются настолько надежными, чтобы гарантировать истинность того, что сообщается. С одной стороны, «конгруэнтность сообщений» независимых свидетелей определяет высокую вероятность того, в чем они согласуются, и это соответствует известным принципам распределения вероятностей» [Lewis, 1946, 346]. С другой стороны, Льюис признает, что сообщения эти все же должны обладать некоторой степенью достоверности, т.е. прежде чем обращаться к вопросу об их когерентности, необходимо уже исходить из презумпции их правдоподобности. Не все когерентисты согласились бы с таким положением (оппонентом К.И. Льюиса выступал БонЖур). Между тем, в этом положении содержится имплицитное признание значимости одного из основных возражений против когерентизма: *если система убеждений никак не*

связана с миром, то никакое обоснование не может быть следствием установления когерентности этих убеждений, ибо в таком обосновании утрачивается интенция на истину.

Критика когерентизма

Аргумент от изолированности убеждений от мира: теория когерентного обоснования утверждает, что базовым конституентом обоснованности того или иного убеждения является положение его в качестве элемента системы взаимно согласованных убеждений; но безусловная универсализация принципа когерентности имплицитно отрицает роль объективных факторов, внешних системе убеждений, т.е. независимых от пропозициональных установок, от языковой системы и системы существующего знания. Будучи заключенными в сеть взаимно согласованных полаганий, мы *изолированы от мира*, ибо сама по себе согласованность убеждений, устанавливаемая безотносительно к учету вклада недоксастических факторов, не заключают в себе условий *истинностной проводимости*.

Аргумент от редукции значения опыта и необеспеченности ввода эмпирической информации. Данный аргумент продолжает линию критики, обозначившуюся в первом аргументе, и выражается в демонстрации того, что теория когерентного обоснования не в состоянии ассимилировать идею значимости эмпирических факторов обоснования, т.е. не учитывает в полной мере значение опыта, в котором мы выходим за границы доксастически предзаданного содержания когерентных убеждений и непосредственно «соприкасаемся с миром» (о чем свидетельствует факт наличия комплекса когнитивно-спонтанных убеждений). Представление обоснованности в качестве условия эмпирического знания оказывается особенно проблематичным, если условия согласованности убеждений, описаний, высказываний, заложенные стандартом когерентности, полагаются выполнимым безотносительно к тотальности эмпирических свидетельств, т.е. когда ассимиляция эмпирически значимой информации не оказывает никакого воздействия на состояние и содержание пропозициональной системы.

Аргумент от недостаточности внутренней когерентности для рационально обоснованного выбора между альтернативными системами убеждений. Для каждой системы согласованных убеждений можно допустить существование альтернативной системы убеждений, которые содержательно отличны и логические не совместимы с убеждениями, входящими в первую систему, но не в меньшей степени удовлетворяют тому же стандарту когерентности, что и убеждения, образующие первую систему. Если возможно существование альтернативных, в равной степени когерентных, но логически несовместимых систем убеждений, и при этом лишь некоторые из этих систем должны представлять доксастическую основу объективно истинного описания реальности, то внутренняя согласованность альтернативных систем не может служить основанием рационального выбора между ними, при условии, что этот выбор определяется целерациональной интенцией на истину, которая определенным образом должна исполняться в обосновании.

Данные аргументы подводят когерентиста к ситуации выбора: либо признать, что установление когерентности является фактором, значимым для обоснования, не сама по себе, но в силу комплиментарного действия с другими необходимыми условиями, либо вообще отказаться от проекта построения теории обоснования на основе принципов, заложенных в парадигме когерентизма.

Л. БонЖур, например, пытался реформировать концепцию когерентного обоснования посредством демонстрации значения и условий применимости регулятивных принципов, один

из которых выражает требование (i) эмпирической открытости («observation requirement»), смысл которого в том, чтобы система, служащая базисом обоснования, включала в себя эмпирически-информационный ингредиент в виде когнитивно-спонтанных убеждений, а другой – критериально значимое требование (ii) относительно длительной устойчивости – сохранения внутренней согласованности системы при интеграции новых эмпирически основательных убеждений, спонтанно формирующихся под воздействием независимых каузальных факторов, но оцениваемых, исходя из регулятивных представлений об их «репутации» и возможностей согласования их с этой фоновой системой убеждений. Выполнение обоих этих ограничений представляется индикатором вероятной истинности системы убеждений. Критики, однако, указывают, что, с одной стороны, в ряде аспектов такая теория выходит за рамки классической парадигмы когерентного обоснования, а с другой – эта теория не обеспечивает полного решения исходной проблемы, поскольку оценка надежности источников эмпирической информации должна производиться по независимым критериям.

Проблематизация значимости обоснования в системе условий знания: проблема Гетье

Роль обоснования относительно обеспечения условий признания вероятной истинности должна рассматриваться с учетом *предельных проблемных случаев*, таких, например, когда полагание может быть достаточно обоснованным, но неистинным, или когда обоснованность оказывается относительной как в плане различия по степеням и градациям, так и в смысле возможности получения новых данных и актуализации факторов, способных опрокинуть основания, считавшиеся прежде достаточными.

В аналитической эпистемологии особенный стимул к переосмыслению значения условия обоснованности в его отношении к другим условиям знания определен в рамках необходимости решения проблемы Гетье. Постановка проблемы Гетье осуществляется посредством моделирования логически и фактически возможных ситуаций, в которых усматриваются контрпримеры классическому определению знания [Gettier, 1963, 121-123]. Вот стандартный пример такой ситуации:

Допустим, Смит имеет вполне качественные свидетельства в пользу того, что (p) Джонс является собственником автомобиля “Ford”. В обычной ситуации такие свидетельства играют роль если не решающих, то достаточных оснований. Но в данной ситуации Смит ошибается, положение (p) «Смит – собственник автомобиля “Ford”» ложно. Далее, Смит вспоминает о своем друге по имени Браун и выбирает наугад название города (например, «Барселона»). Действуя по правилу введения дизъюнкции, Смит выводит суждение (r): «Или (p) Джонс является собственником автомобиля “Ford”, или (q) Браун находится в Барселоне», это суждение (r) оказывается истинным, потому что в силу случайного совпадения q оказалось истинным, хотя Джонс об этом не знает, и обоснованным (вывод логически корректен). Однако, очевидно, приписать Джонсу знание с таким пропозициональным содержанием нельзя.

Еще ранее на возможность таких ситуаций указывал Б. Рассел: S имеет все основания считать, что (d) его часы в рабочем состоянии и показывают точное время, однако это не так: (counter-d) вследствие поломки часового механизма часы остановились сутки назад на отметке «XII», о чем S не догадывается. Именно в полдень следующего дня S смотрит на часы, которые всегда верно указывали время, и у него складывается (t) истинное убеждение о времени суток (t: «сейчас полдень»). Очевидно, однако, что это убеждение (t) оказалось истинным случайно. В

этой ситуации S нельзя приписать знание, несмотря на наличие истинного убеждения, для которого следует признать обоснованным, поскольку для этого убеждения имеются основания, такие, какие по сути своей не являются решающими, но в обычных ситуациях являются достаточными [Рассел, 2000, 144].

Представим пример другой ситуации, которая имеет различные вариации, но приводит к тому же эффекту:

[S1] Смит полагает, что (р) Джонс, который работает в офисе Смита, является собственником автомобиля “Ford”. В этом убеждении Смит исходит из тех свидетельств (ip), которые предоставил ему Браун (допустим, Браун видел, как человек, похожий на Джонса, не один раз приезжал к офису на этом автомобиле, к тому же он видел документы на машину, в которых имя владельца начиналось с «Дж.», и был указан возраст владельца, совпадающий в точности с возрастом Джонса и т.д.); Смит имеет основания считать (iip) Брауна надежным и честным человеком, потому что (iiip) Браун никогда не вводил его в заблуждение, но был из той категории людей, которые всегда знают, о чем говорят. Однако, в этом случае Браун, несмотря на (iip) репутацию надежного человека, (err1) *ошибочно* принял какого-то другого человека за Джонса, и так случилось, что этот другой человек, которого зовут Джексон, оказавшийся одного возраста с Джонсом, *также* работает в офисе Смита; Джонс же никогда не имел автомобиля, и лишь недавно Джонс приобрел автомобиль этой марки, о чем Браун *не знает*.

[S2] В другом случае Браун, несмотря на (iip) репутацию надежного человека, (gr2) решил разыграть Смита и выдал мнимое им положение за установленный факт, *не зная о том*, что (р) Джонс действительно являлся собственником автомобиля “Ford” [Clark, 1963, 46]. И в том, и другом случае Смит имеет достаточные основания считать, что Браун *знает*, о чем говорит, когда свидетельствует, что р («Джонс собственник автомобиля “Ford”»). Но собственное убеждение Смита в том, что р, будучи оправданным на основании (ip \wedge iip \wedge iiip), оказывается истинным случайно и, следовательно, не составляет знания.

[S3] Можно перестроить ситуацию: даже если представить, что в первом случае [S1] *неверно*, что р, Смит, полагаясь на свидетельства Брауна, все же может прийти к истинному заключению (р-gen), что в офисе есть человек, который является собственником автомобиля “Ford”, и это убеждение будет истинным и обоснованным (ибо у Смита есть основания полагать, что Браун надежный и правдивый человек, который всегда знает, о чем говорит), но оно также не составляет знания.

На основе такого рода контрпримеров осуществляется демонстрация неадекватности традиционного подхода к анализу знания, который идентифицировал позицию обладания знанием на основе выделения пропозициональных установок, а именно – убеждений, удовлетворяющих условиям истинности и обоснованности.

Импlications проблемы Гетье относительно условия обоснованности

Проблема Гетье – проблема адекватности и полноты классического определения условий знания – показала, что уже на уровне применения этого определения к анализу обыденных притязаний на знание отношение обоснованности и истинности оказывается весьма проблематичным. Неслучайно многие эпистемологи восприняли проблему Гетье как демонстрацию того, что именно *условие обоснованности является слабым звеном в системе условий знания*: одна из распространенных позиций состоит в то, что в описываемых ситуациях само обоснование является *дефектным* или *неправильным*, поскольку строится на основе

принятия за истину ложных положений и выведения из них положений, оказывающихся *случайным образом* истинными. Действительно, в основе моделируемых ситуаций, представляющих контрпримеры классическому определению знания, лежат вполне определенные допущения, отражающие понятие обоснованности, которое применяется в структуре данных ситуаций.

[JF] Убеждение может быть ложным, но достаточно обоснованным: «слово «обоснование» может употребляться в той ситуации, когда необходимым условием для знания субъектом некоторого высказывания P является то, что субъект оправданно убежден в истинности P . Однако возможны случаи, когда субъект оказывается оправданно убежденным в ложном высказывании» [Gettier, 1963: 121]. В данном случае имеет место разрыв обоснования и истинности, который в классической эпистемологии рассматривался как следствие «дефектности» оснований или ошибки вывода. Соответственно, рассматривались условия исключения такого разрыва за счет введения сильных эпистемических стандартов, согласно которым *достаточным* является основание, однозначно *гарантирующее* истинность обосновываемой пропозиции. Однако, как показали дальнейшие исследования, универсализация данного стандарта может привести к ограничению области знания сферой необходимых истин, редуцируя смысл притязаний на знание в обыденных контекстах. В современной эпистемологии общепризнанной и достаточно обоснованной является позиция, согласно которой *обеспечение строгих гарантий истинности обосновываемого положения не является необходимым конституентом логико-пропозициональной структуры обоснования*, когда речь идет об эмпирическом знании, критика фундаментализма показала, что данный эпистемический стандарт оказывается иррелевантным по отношению к условиям знания контингентных пропозиций.

[DC] Принцип дедуктивной трансляции обоснования (спецификация принципа эпистемического замыкания): для всякой пропозиции p верно следующее условие: если S обоснованно полагает, что p , и из p следует q , S , выводя q из p и принимая q как результат этого вывода, обоснованно убежден в истинности q .

Собственно, первые проекты решения проблемы Геттье выражались в том, чтобы поставить под сомнение какое-либо из этих допущений и, таким образом, отстоять классическое определение знания.

В рамках тематики данной работы эти допущения представляют интерес в плане выявления таких аспектов проблемы обоснования, которые значимы не только в плане тематизации истинностной проводимости обоснования, но в плане альтернативных подходов к аналитической *экспликация самого принципа обоснованности*.

[JF] Согласно первому допущению, субъект принимает за истину то, что является ложным, и при этом его убеждение может быть в достаточной мере обоснованным, относительно этого допущения, указывающего на возможность разрыва истинности и обоснованности, следует заметить, что его следует рассматривать с точки зрения различия эпистемических модальностей, которыми обусловлено видовое отличие оснований:

- (се) безусловное, решающее, предельное основание (“conclusive evidence”), т.е. такое основание, которое гарантирует истинность обосновываемой пропозиции (такого рода основания искал Декарт, руководствуясь стандартами рациональной достоверности, и другие фундаменталисты, к числу которых можно отнести представителей классического эмпиризма и некоторых позитивистов – сторонников теории верификации, включая Гемпеля и его теорию подтверждения);

- (псе) безусловное, относительное, неокончательное основание (“nonconclusive evidence”), т.е. такое основание, которое не обеспечивает абсолютных гарантий истинности обосновываемой пропозиции, но положительным образом подкрепляет убеждение, представляя фактор вероятности того, что пропозиция, составляющая предмет убеждения, является истинной. Как поясняет Лемос, «утверждать, что e является безусловным свидетельством в пользу p , не то же самое, что утверждать, будто e исключает разумную необходимость в том, чтобы придерживаться убеждения, что p » [Lemos, 2008, 18]. Так, например, если я знаю, что 95 из 100 шаров в этой урне являются черными, то вполне разумно для меня полагать, что очередной шар, который я сейчас вытаскиваю, является черным, для этого полагания имеются вполне достаточные основания.

Таким образом, вполне разумно придерживаться некоторых убеждений или теорий тогда, когда в пользу истинности этих убеждений имеются хоть и безусловные, но относительно надежные свидетельства. Основание может быть безусловным, но достаточным для того, чтобы подкрепить данную пропозицию (гипотезу) и сделать ее рационально приемлемой, смысл такого подкрепления сводится к тому, чтобы свидетельствовать в пользу ее правдоподобности или вероятной истинности. Сама по себе приемлемость убеждений по рациональным основаниям не имплицитно обосновывает истинность этих убеждений, ибо основания могут быть не только эпистемическими, оправдывающими убеждения с точки зрения реализации интенции на истину, но инструментальными, моральными, прагматическими. Однако свидетельство в пользу правдоподобности и установление того, какова вероятность того, что пропозиция является истинной, имеют статус эпистемических оснований, которые вполне заслуживают того, чтобы их учитывали при обосновании.

[DC] Согласно второму допущению, обоснованность транслируется от одних пропозиций другим, выводимым из первых, транзитивность обоснования в ряде случаев можно рассматривать как спецификацию принципа *дедуктивного замыкания*: пропозиция как предмет знания дедуктивно замыкается на все множество выводимых из нее следствий. Существует более общий принцип эпистемической логики – принцип эпистемического замыкания (“epistemic closure principle”), который применяется к анализу структуры инференциального знания и выступает формальным основанием атрибуции знания субъекту: *Если S знает, что p , и знает, что из p следует q , то S знает, что q* . В случае же проблемы Гетье речь идет именно о принципе, разрешающем трактовать *пропозициональную обоснованность* как дедуктивно транслируемое свойство полаганий.

Однако не все эпистемологи согласились бы с такой трактовкой; некоторые даже выдвигают аргументы, подкрепляющие позицию, согласно которой *в целом ряде случаев обоснованность не транслируется посредством дедукции* – не распространяется на дедуцируемые следствия обоснованных положений с истинностным значением. Но если принцип дедуктивного замыкания не действует в одних случаях, то почему он должен считаться действенным в других? Так раскрывается еще одна грань проблемы инференциального обоснования. Во всяком случае, отрицание данного принципа не обеспечивает универсального решения проблемы Гетье: более сложные модели ситуаций, актуализирующих данную проблему, строятся таким образом, чтобы получить такой же результат, но без использования инференциально-дедуктивных отношений, связывающих достаточно обоснованное, но ложное положение с положением, которое является случайно истинным.

Л. Загжебски верно отметила, что главный урок, который можно извлечь при столкновении с проблемой Гетье, состоит в том, что либо мы должны к основным условиям, выделяемым в

традиционном анализе, добавить новое – четвертое условие знания, которое могло бы компенсировать или нейтрализовать разрыв обоснованности и истинности, либо нам следует деконструировать и радикально переосмыслить само понятие обоснования [Zagzebski, 1994, 72-73]. И действительно, чтобы справиться с контрпримерами, демонстрирующими недостатки классического определения знания, эпистемологии либо модифицируют стандартные условия знания, дополняя их новыми условиями (такими, например, как независимость обоснования от ложных положений или исключение «дефиторов», факторов, подрывающих основания), либо предлагают альтернативные концепции знания, которые развиваются в парадигме экстернализма и замещают рационально-нормативную идею обоснованности принципами каузальной обусловленности, когнитивной надежности, контрфактуальной чувствительности и т.д.

Переосмысление значимости обоснования в контексте попыток решения проблемы Гетье

В эпистемологии наработан уже большой массив концептуально основательных подходов, на основе которых предпринимались попытки аргументированного решения проблемы Гетье. Первые ответы на скептический вызов в отношении классического понимания знания выразились именно в проектах восполнения эпистемически-функциональной недостаточности обоснования за счет введения нового – *четвертого условия знания*, которое должно было иммунизировать притязания на знание в ситуациях, типологически описанных Гетье.

NFG-подход

Одна из первых гипотез решения проблемы Гетье заключалась в том, чтобы отформатировать условия знания на основе введения ограничения, требующего *исключения из того, что составляет основу для убеждения, каких-либо ложных посылок или ошибочных свидетельств* («the No False Grounds Approach» = NFG-подход):

S знает, что $p = df.$ (I) *S* убежден, что p ; (II) p истинно; (III) *S* обоснованно убежден, что p ; (IV) *S* полагает, что p , не иначе как на основаниях, которые в полном объеме удовлетворяют условию истинности, и. (IV') убеждение, что p , является всецело основательным (“fully grounded”) [Clark, 1963, 46-48].

Поскольку из ложного может следовать как ложное, так и истинное, то ничто ложное не должно входить в основания, исходя из которых формируется то или иное убеждение, выступающее доксистическим претендентом на статус знания. Р.Фельдман полагает, что сформулированное М.Кларком требование всецелой базируемости убеждения на основаниях, удовлетворяющих условию истинности, не следует истолковывать в смысле истинностного ограничения, сообразно с которым должна формироваться или оцениваться пропозициональная структура обоснования. NFG-подход допускает, что в описание ситуаций, в которых актуализируется проблема Гетье, входит утверждение, что убеждение субъекта является обоснованным; значит, требование, чтобы все основания, на которых базируется убеждение, были истинными, выражает в первую очередь «дополнительное условие для знания, но не условие для обоснования» [Feldman, 2003, 31]. М.Кларк действительно рассматривает требование наличия истинностного базиса для убеждений в качестве дополнительного условия знания, наряду с которым должно выполняться (III) условие обоснованности. Однако, как

следует из его собственного разъяснения, *базируемость убеждений на истинных основаниях* является стандартом *пропозициональной обоснованности*, которую следует отличать от *доксастической обоснованности*: в первом случае основу для убеждения субъекта составляют свидетельства, которые представляют объективно достаточные основания, но в качестве таковых не тематизируются субъектом, т.е. субъект «может быть уверен в истинности того, что составляет предмет его убеждения, но при этом не оценивать, насколько имеющиеся у него свидетельства действительно служат обоснованию убеждения» [Clark, 1963, 47], а в предельном случае – исходить из альтернативных оснований; во втором случае – в случае доксастической обоснованности – существенно то, насколько субъект в состоянии оценивать адекватность тех свидетельств, на которых основывается его убеждение, рассматривая последние как факторы, значимые для признания истинности того, в чем состоит убеждение. Если условие (III) индуцирует требование доксастической обоснованности, то условие (IV) – выражает дополнительное ограничение, которое является новым условием знания постольку, поскольку доксастическая обоснованность не совпадает с пропозициональной. Соответственно, в системе совокупно достаточных условий знания доксастическая и пропозициональная обоснованность должны конвергировать, что, собственно, и выражается условием (IV'), выражающим требование всецелой основательности убеждения.

Так, применяя эти условия к объяснению одной из вышеописанных ситуаций, можно показать, что в первом случае [S1] у Смита сложилось истинное убеждение, что p , но это убеждение не удовлетворяет условию всецелой базируемости на истинных основаниях, поскольку Смит принимает свидетельство Брауна (ip), считая его надежным и честным человеком, исходя из того, что ($iiiip$) тот никогда не вводил никого в заблуждение, однако, как оказалось, в основе свидетельств Брауна (ip) – ошибка ($err1$), и убеждение Смита базируется на ложном допущении, что и в этот раз Браун знает, о чем говорит. Во втором случае [S2] то, о чем свидетельствует Браун (ip), является *истинным*, и Смит верит Брауну, поскольку принимает ($iip \wedge iiiip$), т.е. его убеждение, что p , является истинным и обоснованным, но истинность и обоснованность никак не связаны, потому что убеждение Смита не является *всецело базирующимся на истинных основаниях*: Смит поверил сообщению Брауна, выражающему лишь мнимое им положение дел ($gp2$), и убеждение, что p , оказалось истинным тогда, когда Браун не знал об этом, принимая свидетельство Брауна, Смит исходит из индуктивно оправданного допущения, что Браун знает, что p , а это допущение, как и в первом случае, является ложным. В третьем случае [S3] Смит приходит к истинному убеждению (p -gen), которое следует считать обоснованным, как и в первом случае, однако в размышлении его фигурирует обоснованное, но ложное положение. Следовательно, в аспекте выполнения такого условия, как всецелая базируемость убеждений на истинных основаниях, ни в одном из этих случаев условия, достаточные для знания, не выполняются.

В современной эпистемологии общепризнано, что NFG-подход, признающий адекватным претендентом на знание только такое убеждение, которое не базируется на ложных основаниях, не обеспечивает универсального решения проблемы Гетье.

В одном отношении определение условий знания, формулируемое в рамках этого подхода, является слишком *слабым*, поскольку оно не позволяет разрешить некоторые ситуации, в которых также обнаруживается проблема Гетье, несмотря на то что условие всецелой базируемости убеждений на истинных основаниях адекватным образом выполняется [Feldman, 2003, 32].

Концепция выделения оснований для убеждения, принимающих истинностные ограничения, допускает определение состава оснований, исходя из различия эксплицитных и

имплицитных факторов, определяющих формирование убеждения с таким пропозициональным содержанием.

В узком смысле основания для убеждения составляют только такие убеждения, которые являются эксплицитно различимыми звеньями в цепи умозаключений, посредством которых субъект приходит к данному убеждению.

В широком смысле основаниями для убеждения служат все убеждения, которые играют какую-либо роль в формировании данного убеждения, включая «фоновые допущения» и предположения.

Р. Фельдман, показавший, в каком смысле NFG-подход является слабым, полагает, что преодолеть ситуации, в которых проявляется слабость этого подхода, можно только в том случае, если за основу принимать трактовку оснований для убеждения в широком смысле. Однако это не является решающим фактором для признания эффективности NFG-подхода.

Все дело в том, что в другом отношении этот подход оказывается слишком *сильным*, поскольку контринтуитивно редуцирует спектр очевидных возможностей признания состоятельности притязаний на знание. Так, можно представить ситуации, в которых знание формируется на основе убеждений, которые выводятся из убеждений, базирующиеся на основаниях, включающих независимые друг от друга истинные и ложные посылки, что, однако, не является препятствием для того, чтобы считать первые убеждения реальными претендентами на статус знания [Feldman, 2003, 33]. Следовательно, NFG-подход вводит такие стандарты, которые неоправданно ограничивают диапазон возможных случаев знания.

ND-подход

Другая гипотеза решения проблемы Гетье заключалась в том, чтобы сделать обоснование непогрешимым, а статус обоснованности – непроверяемым, за счет *исключения «дефиторов», факторов подрыва и аннулирования оснований*: в этом подходе («the Defeasibility Approach» = ND-подход) учитываются ситуации, когда вследствие получения релевантной информации – появления новых данных или вскрытия новых обстоятельств - происходит деградация значения оснований, опрокидывание аргументов, расстраивание базы свидетельств, в результате чего обоснование оказывается несостоятельным.

Эпистемологические теории, в которых тематизируется значение факторов, подрывающих статус обоснованности, предлагают по сути четвертое условие знания, выражаемое условным высказыванием: для определения того, знает ли субъект, что p , необходимо установить, *что произойдет со статусом обоснованности убеждений субъекта, если вскрыются определенных обстоятельства или появятся новые данные, которые добавятся в базу ресурсов, из которой «извлекаются» основания*. Для оправдания притязаний на знание необходимо определить, какое *воздействие* на определенный аспект A эпистемической ситуации (например, A : субъект S обоснованно полагает, что p), имеющий значение для определения того, обладает ли субъект S знанием того, что p , оказывает эксплицитное представление (оценка) этого аспекта в плане некоторого *отношения R к некоторой пропозиции D* , которая (о чем неведомо S) является пропозицией истинной и пропозицией определенного типа T [Shoppe, 2002, 44]. *Некоторая истинная пропозиция D выступает «дефитором» в отношении свидетельства E , используемого для обоснования некоторого убеждения, если на основе конъюнкции D и E получается новое свидетельство $E+$, которое уже не может выступать достаточным основанием для признания этого убеждения вероятностно истинным*. Так, в ситуации с

часами, описанной Расселом, дефитором будет выступать положение «counter-d» (положение, в котором фиксируется факт поломки часового механизма): если бы такое положение обоснованно принималось как истинное и встраивалось в базу исходных свидетельств («несмотря на то, что (d) часы всегда были в хорошем рабочем состоянии и, как правило, показывали точное время, но в настоящий момент часовой механизм сломан»), то убеждение (t: «сейчас ровно полдень») нельзя было бы считать обоснованным.

Данный подход к решению проблемы Гетье имеет нормативно значимые импликации для критически основательного выверения статуса обоснованности: основания для некоторого убеждения, которыми субъект располагает, рассматривая их как факторы, оправдывающие это убеждение, являются дефектными (в плане притязаний на знание), если свидетельства, выступающие в статусе таких оснований, могут быть подрваны, т.е. оказаться несостоятельными при добавлении к базе имеющихся свидетельств *некоторой истинной пропозиции*, трансформирующей эпистемическую ситуацию таким образом, что убеждение субъекта уже не может считаться обоснованным и составляющим знание. Так, например, Кит Лерер, автор оригинальной реляционной концепции когерентного обоснования, предлагает использовать метод альтерации убеждений, который состоит «в извлечении выводов относительно обоснованности, исходя из гипотетической замены истинностных значений высказываний, выражающих убеждения, на которые субъект опирается в процессе обоснования других убеждений: основания, в силу которых субъект оправданно полагает, что р, зависят от ложного высказывания q, если и только если альтерация его убеждений, в силу которой они все сделались бы истинными, привела бы к тому, что субъекта более не было бы достаточных оснований полагать, что р» [Галухин, 2019, 56]. Соответственно, альтерация является методологическим оператором, приобретающем в составе определения статуса обоснованности критериальное значение: «субъект имеет полное основание полагать, что р, такое, что оно не зависит ни от какого ложного положения, если и только если он имел бы полное основание полагать, что р, тогда, когда его убеждения подверглись бы изменению, которое делало бы всех их в истинными» [Lehrer, 1974, 223-224]. Применим этот метод к тестированию статуса обоснованности в описанных выше ситуациях, посредством которых демонстрируется содержание проблемы Гетье. Так, для первой ситуации, аспектом (А) которой является то, что Смит обоснованно полагает, что г («Или (р) Джонс является собственником автомобиля “Ford”, или (q) Браун находится в Барселоне»), можно представить верификативную альтернативу, когда вскрывается ложность убеждения, что р; в роли дефитора выступает пропозиция D, выражаемая высказыванием «Джонс не является собственником автомобиля “Ford”», которое обоснованно принимается субъектом как истинное высказывание, D эквивалентно отрицанию положения р, из обоснованного признания истинности которого субъект исходил при выведении по методу введения дизъюнкции положения г; замена ложного убеждения в том, что р, на истинное убеждение, предмет которого составляет пропозиция D, трансформировало бы аспект А эпистемической ситуации таким образом, что вскрылось бы отсутствие достаточных основания для того, чтобы принимать г за истину.

Соответственно, определение условий знания, в которые включается компенсатор фаллибилистичности обоснования, может быть представлено следующим образом: S знает, что р = Df. (1) р истинно; (2) S убежден, что р; (3) р является обоснованным (в контексте эпистемической ситуации S), т.е. S располагает достаточными основаниями для того, чтобы полагать, что р; (4) *отсутствует истинная пропозиция q, такая, что если бы S обоснованно*

полагал, что q , то убеждение S в том, что p , утрачивало бы качество обоснованного убеждения. По сути, в условия знания вводится стандарт неопровержимости обоснования.

Подход, основанный на выделении факторов опрокидывания основания – подрыва статуса обоснованности для убеждений, с которыми связываются притязания на знание, нуждается в доработке. Проблема в том, что *фактуальные дефиторы* – скрытые истины – в аналогичных ситуациях *иногда* демонстрируют неосновательность притязаний на знание, а иногда – нет. Данную вариативность необходимо осмыслить и объяснить. В каком объеме при обосновании убеждения необходимо учитывать возможные дефиторы, чтобы убеждение было неопровержимо обоснованным, а притязания на знание – полностью оправданными? Воздействие дефиторов на эпистемическую ситуацию заключается в том, что с выявлением положений, способных выступать в роли дефиторов, происходит деградация оправдательной силы свидетельств: основания девальвируются коррелятивно объему и силе дефиторов, которые не учитываются при формировании базы свидетельств. Закономерно возникает вопрос: до какой степени должен деградировать статус обоснованности, чтобы обращение убеждения в знание оказалось несостоятельным? Однозначного ответа на эти вопросы пока не было дано. Кроме того, использование формулы условно-сослагательных высказываний для выражения условия иммунизации статуса обоснованности от воздействия дефиторов накладывает свои ограничения и может привести к апориям. К тому же, можно представить *новый формат ситуации Гетье*, в которой применение этого подхода, основанного на учете факторов деградации и подрыва статуса обоснованности, может привести к контринтуитивным и некогерентным последствиям. Так, например, воспользовавшись примером Р.Фельдмана [Feldman, 2003, 34], представим, что я сижу в своем кабинете, где имеется радиоприемник, который в настоящий момент выключен. Я знаю, что радио выключено. Допустим, радиостанция Classic Rock передает сейчас песню «N.I.B.» группы Black Sabbath. Если бы радио в кабинете было включено и настроено на эту станцию, я услышал бы эту замечательную песню и *узнал бы, что радио включено*. Таким образом, я знаю, что (х) *радио выключено*. Однако в этой ситуации можно распознать дефитор, в роли которого будет выступать истинная пропозиция: (у) «Радиостанция Classic Rock передает песню «N.I.B.» группы Black Sabbath», если бы я обоснованно принимал эту пропозицию как истинную, то я не имел бы оснований для полагания, что (х) радио выключено. У меня были бы основания полагать (у) тогда, когда радио было бы включено и, следовательно, я бы слушал эту песню. Таким образом, по стандартам обсуждаемого подхода, я не знаю, что радио выключено. Но ведь это неверный результат – он идет вразрез с очевидностью.

ЕСаR-подход

Третья гипотеза, выдвинутая в числе первых, развивается в рамках каузальной теории знания и является специфическим выражением *экстерналистского подхода* (“the Causal or Reliabilist Approach” = ЕСаR-подход), задающего стратегию оценки того, насколько гарантированно убеждение связано с истиной, исходя из принципа надежности процесса или способа формирования убеждения. В качестве основных ограничений, которые относятся не к процедурам обоснования и не к составу оснований, а к внешним аспектам когнитивной ситуации, выступает *требование реализации адекватной каузальной связи убеждения с фактом*, относительно которого формируется данное убеждение, или *требование надежности того когнитивного процесса*, посредством которого я прихожу к данному

убеждению (позиция «рилайэбилизма»). Объяснение ситуаций, описанных Гетье, с позиций экстерналистского подхода строится на основе указания того обстоятельства, что в такого рода ситуациях не выполняется условие актуализации факторов вероятности того, что пропозиция, составляющая предмет убеждения, является истинной: ни одна из исходных пропозиции, представленных в ситуации Гетье как предмет доксистически обоснованного убеждения, не составляет предмет убеждения, которое сформировалось у субъекта S в силу надлежащих объективно-каузальных условий и на основе надежного когнитивного процесса. Так, например, анализируя первую из описанных выше ситуаций, А.Голдман замечает: «то, что *делает* r истинным, есть факт, что Браун находится в Барселоне, но это факт никак не связан с убеждением Смита в том, что r («Или (p) Джонс является собственником автомобиля “Ford”, или (q) Браун находится в Барселоне» – Авт.)...То есть в данном случае отсутствует каузальная связь между фактом, что Браун находится в Барселоне, и убеждением Смита в том, что r» [Goldman, 1967, 358), ибо то, что (q) Браун в Барселоне, не является ни предметом восприятия, ни предметом воспоминания, и Смит не в состоянии реконструировать каузальную цепь, которая связывает его убеждение r с фактом, что q. Именно требование наличия *надлежащей* каузальной связи, все важные звенья которой должны быть рационально реконструируемы, выражает то условие, введением которого А.Голдман пытается компенсировать недостатки классического анализа знания.

В рамках экстерналистской парадигмы развивались также гипотезы решения проблемы Гетье на основе применения *модально-треккингового подхода*, согласно которому фундаментальным условием знания является контрфактуальная чувствительность убеждений к истине. Так, например, развивая основную идею этого подхода, Роберт Нозик формулирует дополнительные условия знания – *условие ковариации* убеждений с фактами («a variation condition»: *Если бы p было ложно, то S не полагал бы, что p*) и *условие сопряженности* («an adherence condition»: *Если бы p было истинно, то S полагал бы, что p, и не полагал бы, что не-p*) [Nozick, 1981, 172-178]. Введение этих условий обусловлено признанием необходимости учитывать для убеждений, претендующих на обладание статусом знания, не только их истинность, но и их *способность меняться вслед за фактами*, т.е. исполнять интенцию на истину в альтернативно-возможных и контрфактических ситуациях, «обращение к ситуациям, описываемым контрфактуалами, необходимо для того, чтобы установить, насколько пропозициональные установки позволяют отслеживать истину («to track the truth») в пространстве релевантных возможных миров. Диспозиция, задаваемая дополнительными условиями, получает обобщение на уровне принципа *чувствительности к истине*, в котором Нозик усматривает необходимый конституент эпистемической состоятельности убеждений – *основание для удостоверения статуса знания* [Галухин, 2017, 43]. Например, в ситуации, описанной Расселом, субъект не обладает знанием точного времени, потому что его убеждение не удовлетворяет условию ковариации с фактами: если представить контрфактическую ситуацию, в которой субъект также определял бы время, глядя на сломанные часы, но было бы ложно, что t (t: «сейчас полдень»), а субъект все равно придерживался бы убеждения, что t, то становится очевидным, что убеждение это не является чувствительным к истине; следовательно, в актуальной ситуации притязания субъекта на знание не оправданы. В рамках такого подхода определяется возможность применять детекторы ковариации убеждений и фактов в ареале ближайших возможных миров и осуществлять, таким образом, «пеленгацию истины», служащую основным индикатором позиции обладания знанием, но *безотносительно к эксплицитно удостоверимой степени обоснованности наших убеждений*.

Экстерналистские концепции обоснования

Позиции экстернализма и интернализма в подходе к проблеме обоснования расходятся по крайней мере в одном существенном моменте. Основоположением *интерналистской парадигмы* является принцип построения обоснования, исходя из различных для субъекта – когнитивно доступных ему факторов, в роли которых выступают как факторы доксистического (убеждения и их инференциальные отношения), так и недоксистического (содержание опыта, «чувственные данные») порядка. Экстернализм утверждает обратное: обоснование зависит от факторов, внешних по отношению к ментальной перспективе субъекта, и именно факторы, находящиеся вне зоны когнитивного доступа субъекта, следует принимать в расчет, когда ставится и решается вопрос об эпистемической оправданности – обоснованности убеждений. В умеренных версиях экстернализма (“access externalist”) допускается, что какие-то факторы, релевантные условиям обоснования и установления истинности, могут быть объектом сознательного доступа субъекта; но экстерналист отрицает, что сознательный доступ к основаниям составляет *единственное и необходимое условие* обоснования – то, без чего убеждения нельзя считать эпистемически оправданными. В этом ключевом аспекте экстернализм выходит за рамки классического *деонтологического подхода*.

Основная идея деонтологического подхода заключается в том, что статус обоснованности определяется в зависимости от сознательного выполнения или нарушения субъектом определенных интеллектуальных обязательств, вытекающих из принятых норм – регулятивов познавательной деятельности. Собственно, деонтологический подход к экспликации нормативного содержания концепта обоснования стал объектом систематической критики, основные линии которой, как было уже отмечено выше, определились в порядке выдвижения ряда аргументированных возражений, направленных главным образом против (1) универсализации способности осуществлять достаточный сознательно-волевой контроль над убеждениями («доксистический волюнтаризм»), а также против (2) неоправданного допущения, согласно которому реализация деонтологического статуса, т.е. выполнение интеллектуальных обязательств, вытекающих из нормы, является достаточным для достижения такого состояния обоснованности, которое удовлетворяло бы условию истинностной проводимости: «даже если субъект сделал все, что разумно требовалось от него в интеллектуальном плане, это ни в кой мере не гарантирует, что он может вполне обоснованно полагать, что основания для его убеждения адекватны» [Alston, 1988, 291]. Адекватными же являются такие основания, исходя из которых можно установить вероятность того, что убеждение является истинным. Эпистемологи, подвергающие критике деонтологический подход, демонстрируют, что обоснование, при котором субъект, следуя эпистемическим нормам, выполняет все обязательства, и установление вероятной связи убеждений с истиной расходятся: с одной стороны, убеждение может быть в *деонтологическом* смысле эпистемически оправданным без того, чтобы быть надлежащим образом обеспеченным в плане вероятности того, что предмет этого убеждения – истинная пропозиция; с другой стороны, убеждение субъекта можно считать эпистемически обоснованным, поскольку оно базируется на адекватном основании, при обращении к которому реализуется функция истинностной проводимости, но это же убеждение может быть деонтологически неоправданным. Если Плантинга демонстрирует, в каком смысле деонтологический подход имплицитно интернализирует, то Алстон доказывает, что деонтологические условия соответствуют типу интерналистских концепций обоснования не больше, чем типу экстерналистских концепций [Alston, 1988, 293].

Формирование парадигмы экстерналистских подходов, проходившее не без влияния предложенной У. Куайном программы натурализации эпистемологии, мотивировалось необходимостью решения проблем, в подходе к которым выявилась ограниченность интерналистских доксистических теорий.

Во-первых, необходимо было в теоретической форме более адекватно раскрыть связь между эпистемической обоснованностью и вероятностными характеристиками убеждений: экстерналистские теории развивались на базе основополагающей эпистемологической интуиции, что если мы ориентируемся на знание, то рационально предпочтительными для нас являются именно те убеждения, которые имеют вполне определенный шанс быть истинными; но отбор убеждений из соображений вероятности лучше всего производить не на основе субъективных – доксистически основательных вероятностно-истинностных оценок, а на основе соображений экстерналистского плана, учитывающих объективные каузальные условия формирования убеждений и факторы надежности когнитивного процесса, которые могут выходить за пределы сознательного доступа субъекта познания.

Во-вторых, экстерналистские теории должны были компенсировать недоработки доксистических теорий, разработанных в парадигме интернализма, и предложить основу для содержательного анализа самого понятия обоснования, которое в интерналистских теориях было недостаточно проработанным. Методология интернализма заключалась скорее в том, чтобы описывать познавательную деятельность на основе норм и правил, чем обосновывать сами правила или объяснять эффекты этой деятельности; в этом смысле, по критическому замечанию Поллока и Круза, доксистические теории являются теориями *ad hoc* и являются неполными: «Они являются теориями *ad hoc*, потому что они предлагают комплексы эпистемических правил без систематического объяснения того, почему эти правила являются верными, и они являются незавершенными, потому что они не предлагают проясняющий анализ самого понятия эпистемического обоснования» [Pollock, Cruz, 1999, 90].

Методологической универсалией различных экстерналистских теорий является стратегия анализа фундаментальных эпистемических понятий в терминах других – неэпистемических, натуралистических понятий: «Бескомпромиссный рилайэбилитизм Голдмана предполагает экспликацию принципа обоснованности убеждения с точки зрения понятия частотной или пропенсивной вероятности. Нозик стремится определить эпистемические понятия в терминах номологических связей между фактами и убеждениями, выраженных посредством контингентных высказываний условно-сослагательной формы. Армстронг применяет такое же понятие номологической необходимости в контексте попыток выработать адекватное понимание знания» [Fumerton, 1988, 454]. Как заметил Р. Фумертон, в отношении принципов такого номологического подхода интерналист вправе потребовать метаобоснования, т.е. поставить экстерналиста перед вопросом: откуда он знает, что именно такая номологически определенная конфигурация связей между убеждением и фактом или положением дел является индикатором или гарантом достаточной вероятности того, что убеждение является истинным?

Д. Армстронг развивает экстерналистскую версию фундаментализма, которая преодолевает ограниченность интерналистских концепций, столкнувшихся с проблемой объяснения природы базисных убеждений, образующих доксистически первичный – неиференциальный фундамент знания. Для объяснения эпистемически-привилегированного статуса базисных убеждений Армстронг использует номологический принцип, в основе которого – представление о «законсообразном отношении между положением дел “Вар” (описывается формулой «а полагает, что р») и положением дел, которое определяет истинность “р” (буквально:

«положение дел, которое делает “р” истинным» - Авт.), так, что если а полагает, что р, то должно быть фактически истинно, что р» [Armstrong, 1973, 166]. Формирование объективно-истинностного содержания базисных убеждений описывается по аналогии с принципом действия термометра: подобно тому, как надежный термометр закономерно отражает температуру среды, в содержании базисных убеждений закономерно отражается положения дел, которые делают их истинными.

В ранней версии каузальной теории знания А. Голдмана также выдвигалось типично экстерналистское определение базового условия знания: *Субъект S знает, что р = Df. факт, что р, каузально связан «надлежащим» образом (“appropriate”) с убеждением субъекта S в том, что р.* Данное определение содержит требование, чтобы каузальная связь убеждения с фактом, относительно которого формируется убеждение, была *подходящей*, имела *надлежащую форму*. Отсутствие такой связи и указывается в качестве причины того, что ситуациях, типологически описанных Гетье, докраситически обоснованное убеждение не составляет знание. Голдман утверждает, что в механизмах, обеспечивающих реализацию надлежащей каузальной связи, ключевую роль должны играть достаточно развитые и нормально функционирующие когнитивные способности (например, восприятие и память, а также способность логически мыслить), реализация которых является важным звеном каузального механизма формирования убеждения. В дополнение к этому выдвигается следующее условие: *Субъект S знает, что р, если он должным образом реконструирует причинно-следственную цепочку, которая идет от факта, что р, к убеждению, что р* [Goldman, 1967, 363]. Необходимо, чтобы такая реконструкция не содержала ошибок, а осуществлялась только на основе истинных представлений субъекта о ключевых звеньях каузальной цепи, связывающей убеждение с фактом. Но Голдман не уточняет, в каком смысле следует выделять «наиболее важные» звенья каузальной цепи, и предполагает, что степень важности может варьироваться от случая к случаю; критики же справедливо замечают, что это слишком неопределенно. Сам Голдман вынужден был признать, что первоначальный вариант его теории не обладал ресурсами, которые можно было бы использовать для разрешения апорий, связанных с новым типом ситуаций Гетье, демонстрирующих, что наличие адекватной каузальной обусловленности убеждения само по себе не является достаточным условием конвертации их в знания. Наличие вполне определенной каузальной связи между фактом и соответствующим ему перцептуальным убеждением не является достаточным для приписывания знания субъекту. Оригинальная попытка найти выход из этой апорийной ситуации, оставаясь в парадигме экстернализма, представлена Р. Нозиком: если в ближайшем возможном мире – в контрфактической ситуации, где полагать, что w, означало бы принимать ложное за истинное, субъект придерживался бы убеждения, что w, то это означало бы, что убеждение субъекта в том, что w, сложившееся в наличной ситуации, не является чувствительным к истине и, следовательно, не может составлять знание.

Еще один вариант решения проблемы Гетье определяется на основе модели эпистемологического анализа, которая в условия знания вводит принцип, выражающий требование при обосновании учитывать и исключать *релевантные альтернативы* [Lewis, 1996, 549–567]. Интерналистская интерпретация этого принципа индуцирует стандарт адекватности для оснований: при обосновании убеждения, что р, необходимо опираться на адекватные основания; адекватным является основание (свидетельство), которое является достаточным для того, чтобы исключить, исходя из этого основания, все релевантные альтернативы (пропозиции, несовместимые с р); обоснование должно быть формой актуализации знания того, что все

релевантные альтернативы обосновываемому положению, являются ложными. Данный подход, в числе прочего, должен был обеспечить эффективные средства для нейтрализации скептицизма (так, например, радикальная скептическая гипотеза «злого демона» может квалифицироваться как иррелевантная контексту) [Галухин, 2015, 143-160]. *Экстерналистская* интерпретация принципа исключаемости релевантных альтернатив может выражаться следующим кондиционалом: если в данной ситуации способ формирования убеждения (например, восприятие) не позволяет исключить формирование альтернативных убеждений, в случае которых за истину принимается нечто ложное, то следует признать, что задействованный в этой ситуации способ формирования убеждений, несмотря на то, что в данном случае он приводит к истинному убеждению, не является надежным (что может означать, например, недостаточность перцептуального опыта для того, чтобы отличить подделку от оригинала) и, следовательно, убеждение не относится к классу законных претендентов на статус знания.

В любом случае представления о роли внешних факторов, о каузальных механизмах и надежности когнитивных процессов сами должны быть каким-то образом обоснованы. Но тогда возникает вопрос: на каких принципах должно строиться такое мета-обоснование? Очевидно, что для многих экстерналистов ответ на данный вопрос может быть получен в контексте развития общего проекта натурализации эпистемологии, предполагающей учет данных, полученных когнитивными науками. Но проект натурализации эпистемологии, предложенный У. Куайном, замещая вопрос о принципах обоснования и условиях обоснованности убеждений вопросом о каузальных механизмах и естественных связях между стимулами и убеждениями, редуцирует значение нормативного подхода в эпистемологии [Quine, 1969, 69-90]. Между тем, в современных, более утонченных версиях экстернализма допускается, что понятие обоснования обладает определенным нормативным содержанием и в этом виде сохраняет свое значение для эпистемологического дискурса. Так, в экстерналистской концепции А. Голдмана, реформированной с учетом ряда существенных возражений, выдвинутых против процессуального релейэбилизма, всеобщее нормативно-критериальное значение имеют следующие принципы:

I. Убеждение S в том, что p , в момент t является обоснованным, если это убеждение является результатом надежного когнитивного процесса, и если в распоряжении S нет иного надежного процесса (такого, в котором задействуются способности восприятия и припоминания – Авт.) или условно надежного процесса (т.е. рассуждения, в котором выполняется условие: если исходные убеждения истинны, то вырабатываемые на их основе другие убеждения также истинны – Авт.), такого, что если бы S активизировал его наряду с фактически используемым процессом, то результатом было бы то, что у S не было бы убеждения в том, что p , в момент t .

II. Убеждение S в том, что p , в момент t является обоснованным, если это убеждение вырабатывается в результате такого процесса, в котором перерабатываются другие убеждения и который является условно надежным, и убеждения, над которыми в этом процессе производятся операции, сами являются обоснованными.

III. Единственный для убеждений, каким они могут достигнуть статуса обоснованности, заключается в выполнении условий (I) и (II) [Goldman, 1979, 20].

Можно ли рассматривать определение этих условий, задающих экстерналистские критерии оценки обоснованности, как выражение именно *эпистемических* норм? Рационально-нормативный подход в эпистемологии допускает, что соображения экстерналистского плана, учитывающие, например, надежность процесса формирования убеждений, в принципе могут играть конститутивную роль в определении того, насколько убеждение обосновано. Но при

каких условиях? С одной стороны, допущение релевантности экстерналистских соображений регулятивному контексту можно истолковать в том смысле, что представленные выше экстерналистские условия, такие как условие надежности когнитивного процесса, должны быть выражены непосредственно в содержании корректных эпистемических норм. Например: *«субъект оправданно придерживается убеждения, если оно есть продукт надежного когнитивного процесса»*. С другой стороны, если эпистемические нормы – это регулятивные установления, которыми следует руководствоваться в познавательной деятельности, включая оценку и отбор убеждений, то в содержание таких норм должны входить установления, относящиеся к области когнитивно-доступных факторов, включая наши убеждения относительно реализуемости внешних условий, а роль экстерналистских критериев сводится лишь к тому, чтобы служить основой для отбора самих эпистемических норм и обоснования их правильности. Поллок и Круз полагают, что первая позиция, допускающая, что экстерналистские условия, такие как условие когнитивно-процессуальной надежности, могут быть представлены как элементы собственного содержания эпистемических норм, является несостоятельной, потому что такие (экстерналистские) нормы *не допускают адекватную интериоризацию*, а именно это входит в условия применимости эпистемических норм: *«Нельзя представить, чтобы мы учились делать различного рода умозаключения только на основании того, что по факту они являются надежными. Конечно, мы могли бы учиться делать определенные умозаключения только при условии, что мы понимаем, что они являются надежными, но в этом случае действовала бы интерналистская норма, применяемая только к представлениям о надежности, а не экстерналистская норма, апеллирующая к факту надежности как таковому»* [Pollock, Cruz, 1999, 132-133].

Критика экстернализма

Экстерналистские теории обоснования, в которых обоснованность представляется функцией реализации внешних условий, таких как адекватная каузальная связь убеждений с фактом, надежность когнитивного процесса, посредством которого формируются убеждения, чувствительность убеждений к истине, проявляющаяся в контрфактических ситуациях, стали объектом последовательной критики, выявившей целый ряд проблем в основе установок экстерналистской программы. Против экстернализма, особенно – против «эпистемического каузализма» и «процессуального рилайэбилизма» был выдвинут ряд стандартных возражений.

Возражение концептуально-методологического плана указывает на *проблему конкретно-всеобщего определения основных типов когнитивных процессов, которые относятся к категории надежных и реализуются особым образом в каждом отдельном случае*. Так, фактический когнитивный процесс, который в конкретном случае приводит к формированию убеждения, относится к категории токенов, т.е. представляет индивидуальный случай реализации различных типов – общих категорий процессов. Иными словами, каждый токен является инстанциацией, т.е. случаем конкретного воплощения нескольких типов процессов. Например, сейчас, когда я смотрю на звездное небо и замечаю там, где должен быть Сириус, мерцающую звезду, то у меня формируется некоторое убеждение, когнитивно-процессуальную основу которых можно определить, выделяя более или менее общие категории (типы) процессов (чувственное восприятие как таковое, зрительное восприятие, зрительное восприятие удаленного объекта в условиях ночной видимости, восприятие излучающего свет объекта в ночи, восприятие мерцающего объекта и т.д.). Утверждать, что в данном случае когнитивный

процесс, в котором формируется некоторое убеждение, является надежным, значит идентифицировать тот *тип процесса*, токеном которого является данный процесс и который следует относить к категории *надежного процесса*, что, в свою очередь, предполагает некоторое знание о том, какова доля истинных убеждений, продуцируемых процессом этого типа. Однако, проблема состоит в том, какого уровня обобщенности должно быть определение типа, реализуемого в данном конкретном случае: с одной стороны, при высоком уровне обобщенности (например, тип «чувственное восприятие как таковое») в категорию обоснованных могут попасть убеждения, которые не являются таковыми; с другой стороны, выделение слишком узкого типа может привести к тому, что доля истинных убеждений, продуцируемых процессом этого типа, будет равна либо 1, либо 0, поскольку такой тип может быть реализован только в одном токене процесса, результатом которого будет либо истинное, либо ложное убеждение. Экстерналистские концепции не определяют однозначные критерии и процедуры идентификации типов надежных процессов и, следовательно, не представляют основу для суждений о надежности процесса в каждом отдельном случае.

Основные же возражения против экстернализма строятся на основе использования контрпримеров, демонстрирующих, что надежность когнитивного процесса не является ни *необходимым*, ни *достаточным* условием достижения обоснованности.

Так, для демонстрации того, что принцип надежности когнитивно-процессуального базиса убеждений не составляет *необходимого условия* для достижения обоснованности, используется гипотеза «нового злого демона»: допустим, мои убеждения выработаны на основе надежного когнитивного процесса, в котором задействуются восприятие, память, мышление; допустим также, что есть некий репликант Z, убеждения которого вырабатываются на основе процессов того же типа, но все ментальные состояния Z контролируются «злым гением», оператором супернаучного компьютера, подключенного непосредственно к мозгу Z, извлеченному и поддерживаемому функционально-жизнедеятельном состоянии; оператор систематически обманывает Z, следовательно, когнитивный процесс в этом случае ненадежен, однако качественное и феноменальное содержание перцептуального опыта Z, как и профиль мыследеятельной активности, идентичны содержанию моего опыта и профилю моего мышления, на которые я опираюсь, когда вырабатываю убеждения, и которые в моем мире удовлетворяют стандарту когнитивной надежности. Исходя из стандартов релейэбилизма, убеждения Z следовало бы признать необоснованными. Но такой результат свидетельствует о некогерентности принципов экстернализма: в описании ситуации, моделируемой на основе гипотезы «нового злого демона», утверждается, что в качестве основы для формирования убеждений Z выступают опыт и мышление, которые обладают таким же качеством, как если бы когнитивный процесс был надежным. Получается, что условия и предпосылки формирования убеждений, заключенные в опыте и мышлении, остаются одними и теми же, несмотря на кардинальные изменения во внешнем мире, в результате которых когнитивные процессы становятся ненадежными, и это обстоятельство не оказывает никакого воздействия на статус обоснованности убеждений. Из этого следует, что когнитивно-процессуальная надежность не является необходимым условием обоснования.

Наиболее существенное возражение против экстернализма (прежде всего, против процессуального релейэбилизма) выдвигается в плане демонстрации *недостаточности* установления надежности процесса формирования убеждений для их эпистемического обоснования. Средством аргументации, подкрепляющей данное возражение, является представление возможных ситуаций, в которых убеждение формируется на основе надежного

когнитивного процесса, но интуитивно очевидно также, что оно не является обоснованным, если обоснованность трактовать как выражение рационально удостоверенного эпистемического статуса убеждений. Хрестоматийным примером такой ситуации является случай, описанный в мысленном эксперименте Л. БонЖура [BonJour, 1985, 41]. Предположим, что Норман является человеком, который наделен экстраординарными способностями, а именно – даром ясновидения, и что убеждения определенного типа, формирующиеся при специфических обстоятельствах на основе ясновидения, всегда или в большинстве случаев оказываются истинными. При этом Норман никогда эмпирически не верифицировал эти убеждения, и даже потенциально ему не доступны какие-либо свидетельства в пользу истинности этих убеждений. Кроме того, у Нормана нет никаких причин ни признавать, ни отрицать, что дар ясновидения не относится к способностям, которые за гранью возможного для человека, и тем более у него нет никаких оснований предполагать, что она сама обладает такими экстраординарными способностями. Формирование такого рода убеждений на основе супер-когнитивных способностей в обстоятельствах данного типа вполне удовлетворяет стандарту надежности, однако признать в данном случае такие убеждения обоснованными с интуитивной очевидностью нельзя. БонЖур замечает, что в этой ситуации имеются достаточные основания для того, чтобы подозревать Нормана в субъективной иррациональности, которая является препятствием для того чтобы считать его убеждения (доксастически) обоснованными. Обоснованность убеждений есть специфическое выражение положительного эпистемического статуса, но утверждая, что фактором достижения этого статуса является характер и условия когнитивной активности, исходя из фактической реализации которых убеждение, вырабатываемое таким образом, обладает высокой степенью вероятности бытия объективно истинным, экстерналист допускает, что осведомленность субъекта, притязающего на знание, о характере и условиях активности, посредством которой он вырабатывает убеждения, не является фактором, значимым для обоснования последних, т.е. реализация целерациональной интенции на истину в спектре когнитивно доступных и сознательно регулируемых условий познания в принципе не имеет никакого значения, но именно это приводит к некогерентным и контринтуитивным результатам [BonJour, 1985,41-45]. В предельном случае, когда надлежащая процессуальная обеспеченность убеждения сталкивается с таким фактором, как наличие когнитивно-доступных оснований, достаточных для признания убеждения ложным, возникает апорийная ситуация, разрешение которой в пользу экстернализма ведет к парадоксальному разобщению стандартов обоснованности и норм эпистемической рациональности. Так, представим, что в описанной выше ситуации Норман не довольствуется своим статусом когнитивной машины и задумывается о том, как он пришел к определенному убеждению; когерентным этому представлению являются два альтернативных допущения. С *одной стороны*, можно допустить, что субъект осведомлен о том, что его убеждение сформировалось в силу актуализации определенной способности, но такое мета-убеждение может играть роль фактора принятия основного убеждения, если оно само обосновано; обоснование же его с экстерналистских позиций не согласуется с его ролью когнитивно доступного основания для признания истинности основного убеждения. С *другой стороны*, можно допустить, что у Нормана не только нет оснований полагать, что его основное убеждение было сформировано надежным способом, но есть также вполне убедительные свидетельства против этого предположения, очевидно, что придерживаться основного убеждения, когда имеется метаубеждение, что основное убеждение – продукт ненадежного когнитивного процесса и, следовательно, не является истинным, было бы нерационально и безответственно. Таким

образом, «если действительно есть, как это изначально представляется очевидным, существенная связь между идеей эпистемического обоснования и идеей рационального и ответственного поиска истины» (BonJour and Sosa, 2003, 29), то следует признать, что в описанных выше случаях убеждения не являются обоснованными, несмотря на факт надежности процесса их формирования. Проблема в том, что экстерналист деконструирует концепт эпистемического обоснования таким образом, что ему не остается ничего иного, кроме как признать, что убеждения, удовлетворяющие стандартам обоснованности, не имеют ничего общего с теми убеждениями, которых можно было бы рационально придерживаться, ориентируясь на эпистемически значимые цели, такие как избегание ошибок и достижение истины в наибольшем массиве наших убеждений.

Значение принципов относительности и системной динамичности обоснования

Следует признать, что практически ни один из предложенных подходов, представляющих попытку восполнить или модифицировать условия знания, по целому ряду различных причин, достаточно хорошо изученных в современной эпистемологии, не обеспечивает универсально-применимого и во всех аспектах адекватного решения этой проблемы. Однако именно попытки решения данной проблемы не только способствовали пересмотру принципа обоснованности в контексте развития неклассических концепций знания, но и открыли также новые направления исследования собственной феноменологии обоснования. Помимо стремления к преодолению фаллибилистичности – «погрешимости» обоснования за счет введения дополнительных условий знания в попытках решения проблемы Гетье основательно проявился вектор разработки таких теорий обоснования, которые придают значение принципу *релятивизации* статуса обоснованности и рассматривают обоснование не только синхронической, но и диахронической перспективах. В этом контексте особое значение приобретают *принципы относительности и системной динамичности обоснования*.

Принцип относительности обоснования

Рационалисту Декарту в поиске достоверных основоположений достаточно было использовать ресурсы, заключенные в собственном разуме, чтобы понять доказательную силу аргумента, представляющего «*cogito sum*» как *то, противоположное чему*, исходя из непосредственно достоверного «я мыслю», *помыслить невозможно*. Методологический постулат классического рационализма состоит в том, что для демонстрации положений, составляющих предмет пропозиционального знания, необходимо опираться на интеллектуальную интуицию и дедукцию, инференциальное обоснование, которое строится на фундаменте достоверных – ясных и отчетливых положений и адекватном применении схем дедуктивного вывода, содержит гарантии истинности. Однако и в этом случае, как показывает последующая критика аргумента «*Cogito*», обоснование не является абсолютным: аргумент строится на основе ряда скрытых допущений, инкорпорирующих идеи, некоторые из которых не удовлетворяют стандарту ясности и отчетливости; кроме того, результаты применения «методического сомнения» требуют дополнительного обоснования, поскольку сомнение в ряде случаев (например, сомнение в существовании других сознаний) *de facto* проистекает от недоразумения, например, от непонимания языка как феномена публичных форм жизни.

В области обыденных притязаний на знание *относительность обоснования* проявляется еще более закономерным образом.

Применительно к обоснованию будем различать *систематическую, регулятивно-контекстуальную и когнитивно-ситуационную* относительность.

Систематическая относительность. В *систематическом смысле* оценка статуса обоснованности определяется относительно сложившихся концептуальных схем, способов репрезентации и интерпретации данных, которыми можно оперировать в порядке обоснования, а также системы эпистемологически-содержательных метаубеждений, исходя из которых определяются условия и устанавливаются критерии позитивного эпистемического статуса других убеждений, выступающих доксистической основой знания.

Регулятивно-контекстуальная относительность проявляется на уровне вариации эпистемических стандартов относительно контекста реализации познавательных интенций. Стандарты обоснованности задаются в контексте функционирования конкретной рефлексивно-оценочной системы (воспользуемся термином К. Лерера), которая конденсирует не только субъективный, но и intersубъективный опыт разумного принятия убеждений и конвертации убеждений в знания. Рефлексивно-оценочная система, функционирующая в области научного и философского знания, задает сравнительно более строгие стандарты обоснованности, чем стандарты, принятые в контекстах повседневности, где складываются формации обыденного знания: «*критическое обсуждение конкурирующих теорий, характерное для хорошей науки, идет (как правило) гораздо дальше того, чем мы вполне удовлетворяемся в практической жизни*» [Поппер, 2002, 83].

Так, например, вполне определенные контекстуалистические импликации содержит эпистемологическая концепция Д. Льюиса: по общему смыслу этой концепции условия знания определяются таким образом, что при наличии истинного убеждения (S полагает, что p, и это убеждение истинно) обращение последнего в знание определяется тем, насколько основания для этого убеждения позволяют исключить все релевантные альтернативы (например, скептические контр-убеждения, несовместимые с убеждением, что p), релевантность же альтернатив определяется в зависимости от контекста, который включает такие субъективные факторы как восприятие субъектом серьезности ситуации и связанная с этим восприятием оценка возможности той или иной альтернативы, которая должна быть еще выявлена и определена в горизонте актуально сознаваемых возможностей [Lewis, 1996, 549-567]. Достоинство этой концепции некоторые эпистемологи усматривают в том, что исходя из принципа *контекстуальной относительности определения релевантности альтернатив*, исключение которых входит в условия знания, можно отстоять притязания на знание с позиций здравого смысла, признавая при этом значимость скептических аргументов: в относительно герметичных контекстах повседневности притязания на знание достаточно обоснованы, т.е. по контекстуально релевантным стандартам знание может быть приписано субъекту, в то время как в философских контекстах стандарты являются более строгими, и «скептик может взять верх, когда заставит нас рассмотреть (и тем самым сделает релевантными) различные скептические сценарии» [Fumerton, 2002, 225].

Контекстуалистские подходы к анализу знания и обоснования представляют одно из авангардных релятивистических направлений современной эпистемологии (Галухин, 2014, 61-77). В рамках «сущностно-эпистемического» направления контекстуального анализа осуществляется исследование роли контекстуальных факторов значимости эпистемических стандартов, применяемых как на уровне реализации дескриптивных (способ описания) и

экспланативных (способ объяснения) интенций, так и на уровне обоснования отдельных убеждений и целых теорий, в содержании которых эти интенции получают конкретное воплощение. В плане оценки обоснованности убеждений и оправданности притязаний на знание эпистемической контекстуализм выделяет, различает и учитывает параметры субъекта знания (такие, например, как его фоновые представления, располагаемые свидетельства, когерентные полагания) или параметры его объективной ситуации, обобщаемые на уровне представлений о том, насколько надежным в конкретных обстоятельствах является способ формирования убеждений, или представлений о том, какие (скептические) альтернативы, несовместимые с актуальным полаганием, являются релевантными данному контексту и могут быть исключены или нейтрализованы, исходя из имеющихся ресурсов, используемых для обоснования. Соответственно, следуя линии «субъектного контекстуализма», можно сформулировать тезис о *ситуационной относительности обоснования*.

Когнитивно-ситуационная относительность проявляется на уровне внутренних и внешних аспектов динамичной когнитивно-эпистемической ситуации субъекта. На этом уровне относительность обоснования обусловлена тем, что когнитивные возможности структурированы ситуативно релевантным образом (что может дать повод к скептическим спекуляциям), а эпистемические ресурсы, например, свидетельства, которые объективно могут быть использованы для обоснования фактуальных положений, как правило, являются *ограниченными*, и еще более ограничены ресурсы обоснования универсальных положений (артикулированная Д. Юмом проблема индукции лишь один из индикаторов этой ограниченности), если только последние не относятся к разряду логико-аналитических истин.

С учетом вариативности стандартов, структуры когнитивных возможностей и ограниченности эпистемических ресурсов, которые задействуются в обосновании, можно объяснить различие *степеней обоснованности*, на которое указывал Р. Чисхолм – на необходимость признания различных степеней обоснованности: «Эпистемическая обоснованность, в отличие от истинности, способна различаться по степеням. Относительно того, что составляет предмет обоснованных убеждений, одни убеждения более обоснованы, чем другие. Можно сказать в более общем смысле, что некоторые установки являются *более разумными* в определенных случаях, чем другие установки в этих же случаях» [Chisholm, 1982, 4].

Когнитивные ограничения также являются фактором, который редуцирует спектр фактических возможностей, заключенных в условиях деятельности субъекта познания. Так, например, один из аргументов в пользу фундаментализма обозначился в демонстрации несостоятельности *инфинитизма* – позиции, допускающей бесконечную цепь выводов в порядке линейного инфренциального обоснования: с одной стороны, для субъекта с нормальными когнитивными способностями существуют естественные ограничения, в силу которых он не мог бы прийти к заключению относительно обоснованности той или иной пропозиции, если бы для этого требовалось воспроизвести бесконечную цепь выводов, связывающих неограниченное множество пропозиций; с другой стороны, инфинитизм предполагает отсутствие конечной фундирующей инстанции или систему установленных значений – первичных «обоснованностей», которые должны транслироваться в порядке обоснования. Некоторые эпистемологи, однако, (например, П. Клейн, Дж. Фантл и др.) развивают интересную аргументацию в пользу того, что инфинитизм не имплицитно предполагает невозможность достижения положительной обоснованности, а является вполне разумной альтернативой решения проблемы эпистемического регресса. И значимым фактором этой аргументации является признание *относительности, последовательности и градуальности*

обоснования. Так, П. Клейн утверждает: «...причина, в силу которой истинное убеждение оказывается высоко ценным, по крайней мере частично заключается в том, что мы его обосновали; а убеждение мы обосновываем, представляя для него разумные основания. Но обоснованность имеет различные степени, и инфинитист полагает, что чем дальше по пути раскрытия оснований мы продвигаемся, тем более обоснованной становится пропозиция» [Klein, 2010, 162]. П. Клейн утверждает, что степень обоснованности может достигать пороговых значений, соответствующих условиям знания, но воздерживается от признания возможности достижения абсолютной достоверности.

В *интерналистских* концепциях обоснования относительная степень обоснованности убеждений может определяться пропорционально полноте и силе доступных свидетельств, имеющих статус не решающих, но достаточных оснований, или пропорционально степени когерентности системы, которая, в свою очередь, измеряется по ряду вариативных показателей, таких как объем и сила инференциальных связей между убеждениями, уровень их вероятностной конгруэнтности или оптимальная сопряженность в плане обеспечения наилучшего объяснения.

В *экстерналистских* концепциях степень обоснованности определяется в функциональной зависимости от степени надежности когнитивного процесса, для измерения которой необходимо в первую очередь учитывать коэффициент истинности, т.е. вероятностное отношение истинных убеждений к основной массе убеждений, вырабатываемых посредством когнитивного процесса данного типа.

В Байесовской эпистемологии синхроническое требование вероятностной совместимости убеждений дополняется диахроническим требованием учитывать при оценке эпистемического статуса убеждений то, как изменяются со временем степени уверенности в том, что пропозиция, составляющая предмет убеждения, истинна. В этом контексте было адаптировано правило (теорема), выражающее принцип пересмотра субъектом статуса убеждений, т.е. изменения уровня доверия с учетом поступления новой информации, обобщаемой на уровне актуальных свидетельств:

$$P(A|B) = P(B|A) \cdot P(A) / P(B)$$

$P(A)$ – априорная вероятность пропозиции A ; $P(A | B)$ – апостериорная вероятность пропозиции A при условии актуализации B (т.е. если засвидетельствовано некоторое событие B); $P(B | A)/P(B)$ – выражение того, в какой мере актуализация B помогает изменить уровень доверия пропозиции A .

Байесовская теорема представляет алгоритм использования априорной условной вероятности для определения новых безусловных вероятностей в порядке увеличения базы свидетельств, что регулируется правилом кондиционализации. Относительно условий применимости Байесовской формулы к описанию изменения степени доверия убеждениям неизбежно возникает вопрос о рациональных основаниях приписывания априорной вероятности пропозициям, составляющим предмет этих убеждений. Можно предположить, что в плане приписывания априорной вероятности проявляется не только регулятивная функция оценочной системы, но определенную конститутивную роль играет система предпосылочного знания (эпистемическая система). Утверждать относительность эпистемического обоснования – значит «полагать, что нет абсолютных фактов (фактов, выражаемых высказыванием) формы «*e является (достаточным) основанием для h*», но есть только факты (выражаемые высказыванием) формы «*e является (достаточным) основанием для h относительно эпистемической системы C*» [Boghossian Paul, 2011, 79]. Однако абсолютизация роли предпосылочных структур – регулятивно-оценочных или конститутивно-эпистемических –

может привести к полному релятивизму относительно оценок статуса обоснованности. Как замечает Богоссиан, «Субъективный Байесианизм допускает, чтобы два мыслящих субъекта основательно расходились в своих убеждениях относительно того, является ли e основанием для p , при условии достаточного различия в том, как они определяют исходную вероятность [Boghossian Paul, 2011, 81]. Следовательно, проект осмысления феномена относительности обоснования должен включать также исследование возможностей конвергенции альтернативных эпистемических и оценочных систем, задающих содержательные параметры определения статуса обоснованности, - основная эпистемологическая проблема состоит в том, чтобы установление точек конвергенции носило не контингентный характер, но удовлетворяло условиям каузально-исторической атрибуции предпосылочного знания и было достаточным для того, чтобы придать рациональный статус выбору конкретных эпистемических стандартов, обладающих потенциальной общезначимостью.

Таким образом, наряду с фаллибиллистичностью (подверженностью ошибкам в исходных посылах и принципах), выделяется спектр причин того, что при отсутствии решающих – «конклюдентных» оснований обоснование является *относительным и, следовательно, относительным является статус обоснованности*.

Об относительности обоснования свидетельствует *феномен подрыва, опрокидывания или деконструирования оснований*, который получил теоретическое осмысление в ряде эпистемологических программ, разработка которых особенным образом стимулировалась необходимостью решения проблемы Гетье. Можно представить ситуацию, в которой объем оснований может исчерпываться наличными актуально доступными свидетельствами, которые в равной степени подкрепляют противоположные пропозиции, в такой ситуации рационально оправданным для эпистемически ответственного субъекта будет решение воздерживаться от того, чтобы принимать какую-либо из этих пропозиций: «Если пропозиция уравновешена (“counterbalanced”) альтернативой для данного субъекта, то ни эта пропозиция, ни ее отрицание не имеют позитивной степени обоснованности для этого субъекта» [Chisholm, 1989, 9]. Однако объем свидетельств «pro et contra» и их соотношение могут меняться по мере того, как поступают новые данные и объем информации, которую можно конвертировать в систему факторов, значимых для обоснования, увеличивается, а наличные данные получают новую интерпретацию. В процессе развития научно-познавательной практики, как и в повседневных контекстах, где высказываются обыденные притязания на знание, могут возникать такие ситуации, когда новые данные и результаты изысканий заставляют произвести критическую переоценку степени надежности и релевантности свидетельств и, соответственно, реформировать сложившуюся систему убеждений. Предельным случаем в этом отношении является ситуация *подрыва оснований*, когда база свидетельств и доказательств расстраивается, свидетельства и аргументы, которое подкрепляли то или иное полагание, опрокидываются (defeated) и замещаются (overridden) новыми свидетельствами и аргументами, выдвигаемыми в авангард актуально значимых факторов, детерминирующих на данном этапе обоснованность.

Принцип относительности обоснования является спецификацией более общего *принципа системной динамичности обоснования*.

Принцип системной динамичности обоснования

В ряде концепций современной аналитической эпистемологии обоснование рассматривать как *квасисостязательный процесс*, в котором конкурируют не только альтернативные

убеждения, но также и различные основания, исходя из которых может производиться рациональный отбор убеждений и оценка того, насколько принятие таких убеждений удовлетворяет специфическим условиям положительной эпистемической квалификации. В качестве примера можно привести разработку К. Лерером концепции когерентного обоснования, которая строилась на основе моделирования системной динамики рефлексивно-оценочных и пропозициональных установок: обоснование предполагает рассмотрение нескольких альтернативных, «негативно релевантных» полаганий, которые в пределах данного «эпистемического поля» конкурируют друг с другом за обладание положительным эпистемическим статусом (например, лучшим шансом на истину) [Lehrer, 1974, 192], а исход этой конкуренции определяется в зависимости от того, насколько то или иное убеждение когерентно предпосылочной – доксистически-оценочной системе, которая обеспечивает ресурсы для отражения или нейтрализации скептических альтернатив и релевантных возражений, препятствующих разумному принятию убеждения. Для оправдания притязаний на знание, согласно концепции Лерера, обоснование должно быть не только полным, когда в порядке обоснования того или иного убеждения все релевантные скептические альтернативы отражены или нейтрализованы, но и неопровержимым, т.е. независимым от ложных положений – ошибок в оценочной системе, способных подорвать притязания на знание, в требовании независимости обоснования от ложных положений, способных подорвать статус обоснованности, состоит «четвертое условие знания» [Галухин, 2019, 50-60]. Данное условие выражает *стандарт неопровержимости обоснования*, индуцирующий необходимость построения обоснования на основе использования таких доксистических и эпистемических ресурсов, которые обеспечивают иммунитет состояния обоснованности по отношению к факторам, в силу которых обоснование утрачивает истинностную проводимость.

Заключение

В классической эпистемологии определение функции обоснования в системе условий знания являлось моментом стандартного анализа знания: истинность и обоснованность выделялись в качестве основных параметров эпистемически-оценочной квалификации пропозициональных установок и представлялись необходимыми и в совокупности достаточными условиями обращения убеждений в знание. Обоснованность трактовалась как основной «фактор обеспечения» (“warrant”) того, что убеждения, при условии их истинности, составляют знание. Таким образом, классический смысл обоснования актуализируется в плане оценки эпистемического статуса убеждения, которая производится по критериям, заданным исходя из базовой целерациональной установки на максимизацию истинности и минимизацию ложности в значительном массиве наших убеждений. По исходному представлению, выработанному в рамках стандартного анализа знания, обоснование обеспечивает экспликацию связи убеждения с истиной (демонстрация того, что убеждение с определенной вероятностью является истинным) и устанавливает адекватность этой связи (демонстрация того, что связь убеждения истиной не является случайной, определившейся вследствие произвола, ошибки или заблуждения).

Критика деонтологического подхода к экспликации нормативного содержания понятия обоснования, раскрытие проблемных аспектов истинностной проводимости инференциального обоснования, концепции которого развивались в альтернативных парадигмах фундаментализма и когерентизма, и актуализация содержания проблемы Гетье, выявившей неполноту и

неадекватность классического анализа знания, радикальным образом трансформировали понимание функций обоснования в системе условий знания и способствовали развитию новых эпистемологических программ, которые рассматривают обоснование как в синхронической, так и в диахронической перспективах, осмысливают феномен релятивизации статуса обоснованности и компенсируют «фаллибилистичность» – погрешимость обоснования введением дополнительных ограничений (исключение ложных посылок, отражение или нейтрализация возражений, учет релевантных скептических альтернатив и т.д.), а в пределе – деконструируют концепт обоснования, раскрывая нормативное и операциональное содержания принципа обоснованности с контекстуалистических или экстерналистских позиций. Магистральные линии развития современных эпистемологических подходов к проблеме значимости обоснования сходятся в том, что обоснование является необходимым (альтернативная позиция представлена в концепциях Д. Льюиса, Т. Уильямсона и др.), но недостаточным условием знания, и основные функции обоснования относительно удостоверения статуса знания, включая условия его истинностной проводимости, реализуются в комплиментарности с выполнением других условий, в роли которых могут выступать как, собственно, эпистемические факторы, выделяемые в рамках интерналистского подхода, так и факторы контекстуального, каузального и модального порядка, идентификация которых требует изучения различных аспектов целостной когнитивно-эпистемической ситуации, в которой субъект реализует свои познавательные интенции.

Библиография

1. Галухин А.В. Атрибуторный контекстуализм в действии: стандартное решение головоломки скептицизма // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 8. С. 143-160.
2. Галухин А.В. Знание как пеленгация истины: эпистемологическая концепция Роберта Нозика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 39-59.
3. Галухин А.В. Концепция когерентного обоснования в эпистемологии Кита Лерера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1А. С. 33-63.
4. Галухин А.В. Стратегия атрибуторного контекстуализма в эпистемологии // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 61-77.
5. Платон Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.
6. Платон Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
7. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
8. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М.: ТЕППА-Книжный клуб; Республика, 2000. 464 с.
9. Alston W. Theontological Conception of Epistemic Justification // Philosophical Perspectives. 1988. Vol. 2. P. 257-299.
10. Armstrong D. Belief, Truth, and Knowledge. Cambridge: Cambridge, University Press, 1973. 238 p.
11. Ayer A.J. The problem of knowledge. An enquiry into the main philosophical problems that enter into the theory of knowledge. Middlesex: Penguin books, 1956. 224 p.
12. Boghossian P. Epistemic Relativism // The Routledge Companion to Epistemology. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2011. 911 p.
13. Bonjour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 258 p.
14. Bonjour L. Epistemic Justification. Internalism vs. Externalism, Foundations vs. Virtues. Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2003. 248 p.
15. Chisholm R.M. The Foundations of Knowing. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. 226 p.
16. Chisholm R.M. Theory of Knowledge. Prentice-Hall International Editions, 1989. 104 p.
17. Clark M. Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier's Paper // Analysis. 1963. Vol. 24. № 2. P. 6-48.
18. Feldman R. Epistemology. Upper Saddle River, New Jersey: Pearson Education Inc., 2003. 195 p.
19. Feldman R., Conee E. Evidentialism // Human Knowledge: Classical and Contemporary Approaches. Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 334-345.
20. Fumerton R. The Internalism/Externalism Controversy // Philosophical Perspectives. 1988. Vol. 2. P. 443-459.
21. Fumerton R. Theories of Justification // The Oxford Handbook of Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2002. 595 p.
22. Gettier E.L. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. 1963. Vol.23 (6). P. 121-123.

23. Goldberg Sanford C. (ed.) *Internalism and Externalism in Semantics and Epistemology*. New York. Oxford University Press Inc., 2007. 303 p.
24. Goldman A. A Causal Theory of Knowing // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64. №12. P. 357-372.
25. Goldman A. What is justified belief? // *Justification and Knowledge*. Dordrecht: Reidel, 1979. 223 p.
26. Goldman A. *Reliabilism // A Companion to Epistemology*. Chichester, 2010. 832 p.
27. Klein P. *A Companion to Epistemology*. Chichester, 2010. 832 p.
28. Lehrer Keith *Knowledge*. Oxford: Clarendon Press, 1974. 265 p.
29. Lemos N. *An introduction to the theory of knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 232 p.
30. Lewis C.I. *An Analysis of Knowledge and Valuation*. LaSalle: Open Court, 1946. 567 p.
31. Lewis D. *Elusive Knowledge // Australasian Journal of Philosophy*. 1996. №74. P. 549-567.
32. Nozick R. *Philosophical Explanations*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 764 p.
33. Plantinga A. *Justification in the 20th Century // Philosophy and Phenomenological Research*. 1990. Vol. 50. P. 45-71.
34. Plantinga A. *Warrant: The Current Debate*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 228 p.
35. Pollock J.L., Cruz J. *Contemporary theories of Knowledge*. Lanham, 1999. 262 p.
36. Sellars W. *Empiricism and the Philosophy of Mind // Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 1956. Vol. I. P. 253-329.
37. Shope R.K. *Conditions and Analysis of Knowing // The Oxford Handbook of Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 595 p.
38. Quine W.V. *Epistemology Naturalized // Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press, 1969. 165 p.
39. Zagzebski L. *The Inescapability of Gettier Problems // The Philosophical Quarterly*. 1994. Vol. 44. No. 174. P. 65-73.

On the value of justification in attaining conditions of knowledge

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

This paper examines the value of epistemic justification in relation to other necessary conditions of knowledge identified within the framework of traditional and post-classical forms of epistemological analysis. The traditional analysis of knowledge enabled to identify a set of functions of justification such as verifying the rational status of beliefs and explicating beliefs' adequate relation to the truth. The paper critically considers the tenet of classical epistemologies that justification when combined with truth condition warrants the conversion of beliefs into knowledge. I explicate the basic principles of internalist theories of justification, specifically those which are instantiated in alternative paradigms of fundamentalism and coherentism, and reveal the most problematic aspects of attaining the truth-conduciveness of inferential justification. By analyzing alternative approaches to solving the Gettier-problem I examine the lines of critical reconsideration of the justification-condition and of its relation to other conditions of knowledge: some theories try to compensate for the fallibility or malfunction of justification by introducing additional conditions of knowledge or by imposing restrictions on the grounds for justification while others deconstruct the concept of justification or explicate its' content within the framework of externalism. The paper reveals natural-nomological assumptions underlying externalism and makes critical account of the externalist conceptualization of justification which is seen as a paradigmatic alternative to the

Andrei V. Galukhin

classical deontological-internalist theories. In the upshot I stress the value of the principles of systematic relativity, context-regulatory dependence, cognitive-situational conditionality and systemic dynamism of justification.

For citation:

Galukhin A.V. (2019) K voprosu o znachimosti obosnovaniya dlya realizatsii uslovii znaniya [On the value of justification in attaining conditions of knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (3A), pp. 107-146.

Keywords

Knowledge, epistemic justification, coherentism, foundationalism, internalism, externalism, the Gettier problem, analytical epistemology.

References

1. Alston W. (1988) Theontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, 2, pp. 57-299.
2. Armstrong D. (1973) *Belief, Truth, and Knowledge*. Cambridge: Cambridge, University Press.
3. Ayer A.J. (1956) *The problem of knowledge. An enquiry into the main philosophical problems that enter into the theory of knowledge*. Middlesex: Penguin books.
4. Boghossian P. (2011) Epistemic Relativism. In: *The Routledge Companion to Epistemology*. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
5. Bonjour L. (1985) *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Bonjour L. (2003) *Epistemic Justification. Internalism vs. Externalism, Foundations vs. Virtues*. Malden: Blackwell Publishing Ltd.
7. Chisholm R.M. (1982) *The Foundations of Knowing*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
8. Chisholm R.M. (1989) *Theory of Knowledge*. Prentice-Hall International Editions.
9. Clark M. (1963) Knowledge and Grounds: A Comment on Mr. Gettier's Paper. *Analysis*, 24, 2, pp. 6-48.
10. Feldman R. (2003) *Epistemology*. Upper Saddle River, New Jersey: Pearson Education Inc.
11. Feldman R., Conee E. (1987) Evidentialism. In: *Human Knowledge: Classical and Contemporary Approaches*. Oxford: Oxford University Press.
12. Fumerton R. (1988) The Internalism/Externalism Controversy. *Philosophical Perspectives*, 2, pp. 443-459.
13. Fumerton R. (2002) Theories of Justification. In: *The Oxford Handbook of Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.
14. Galukhin A.V. (2015) Atributorny kontekstualizm v deistvii: standartnoe reshenie golovolomki skeptitsizma [Attributer contextualism in action: a standard solution to the skeptical puzzle]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 8, pp. 143-160.
15. Galukhin A.V. (2019) Kontseptsiya kogherentnogo obosnovaniya v epistemologii Keita Lerera [Coherentist theory of justification in the epistemology of Keith Lehrer]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1A), pp. 33-63.
16. Galukhin A.V. (2014) Strategiya atributornogo kontekstualizma v epistemologii [The strategy of attributer contextualism in epistemology]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 8, pp. 61-77.
17. Galukhin A.V. (2017) Znanie kak pelengatsiya istiny: epistemologicheskaya kontseptsiya Roberta Nozika [Knowledge as truth tracking: Robert Nozick's epistemological conception]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 39-59.
18. Gettier E.L. (1963) Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*, 23 (6), pp. 121-123.
19. Goldberg Sanford C. (ed.) (2007) *Internalism and Externalism in Semantics and Epistemology*. New York. Oxford University Press Inc.
20. Goldman A. (1967) A Causal Theory of Knowing. *The Journal of Philosophy*, 64, 12, pp. 357-372.
21. Goldman A. (1979) What is justified belief? In: *Justification and Knowledge*. Dordrecht: Reidel.
22. Goldman A. (2010) Reliabilism. In: *A Companion to Epistemology*. Chichester.
23. Klein P. (2010) *A Companion to Epistemology*. Chichester.
24. (1974) *Lehrer Keith Knowledge*. Oxford: Clarendon Press.
25. Lemos N. (2008) *An introduction to the theory of knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Lewis C.I. (1946) *An Analysis of Knowledge and Valuation*. LaSalle: Open Court.

27. Lewis D. (1996) Elusive Knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*, 74, pp. 549-567.
28. Nozick R. (1981) *Philosophical Explanations*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
29. Plantinga A. (1990) Justification in the 20th Century. *Philosophy and Phenomenological Research*, 50, pp. 45-71.
30. Plantinga A. (1993) *Warrant: The Current Debate*. Oxford: Oxford University Press.
31. Plato (1990) *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected works in 4 volumes]. Moscow: Mysl Publ. Vol. 1.
32. Plato (1993) *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected works in 4 volumes]. Moscow: Mysl Publ. Vol. 2.
33. Pollock J.L., Cruz J. (1999) *Contemporary theories of Knowledge*. Lanham.
34. Popper K.R. (1972) *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford University Press.
35. Russel B. (2009) *Human Knowledge: Its Scope and Limits*. Routledge.
36. Sellars W. (1956) Empiricism and the Philosophy of Mind. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, I, pp. 253-329.
37. Shope R.K. (2002) Conditions and Analysis of Knowing. In: *The Oxford Handbook of Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.
38. Quine W.V. (1969) Epistemology Naturalized. In: *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press.
39. Zagzebski L. (1994) The Inescapability of Gettier Problems. *The Philosophical Quarterly*, 44, 174, pp. 65-73.